

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышкин А. В. Исследования на р. Конде в Тюменской области // АО-1977. М., 1978.
2. Стефанова Н. К. Исследования в Кондинском районе // АО-1979. М., 1980.
3. Стефанова Н. К. Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в зоне строительства Кондинского рыбопитомника. АКА УрГУ. 1979. Ф. 2. Д. 320.
4. Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3.
5. Кокшаров С. Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения в энеолите // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала: [Препринт.] Свердловск, 1990.
6. Стефанов В. И., Кокшаров С. Ф. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. 1990. № 3.
7. Юровская В. Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12.
8. Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
9. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
10. Кокшаров С. Ф. Отчет о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 года. АКА УрГУ. 1987. Ф. 2. Д. 431.
11. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
12. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М., 1987.
13. Визгалов Г. П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
14. Кокшаров С. Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.
15. Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

В. Ф. ГЕНИНГ, В. И. СТЕФАНОВ

ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНООЗЕРЬЕ I, БОЛЬШОЙ ЛОГ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Поселение Черноозерье I (рис. 1) находится в 1 км к юго-западу от д. Черноозерье Саргатского р-на Омской обл. Расположено на вытяннутом с юго-запада на северо-восток дюнном возвышении у бровки террасы, уступом поднимающейся на 11—12 м над поймой. Скорее всего, это вторая надпойменная терраса левого берега р. Иртыш [1, с. 34; 2, с. 67]. В месте рас-

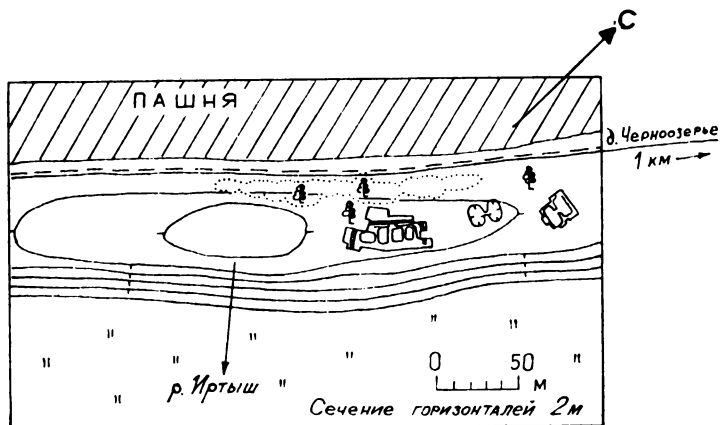

Рис. 1. Поселение Черноозерье I. Общий план

положения памятника она задернована. Обращенный к пойме склон довольно крутой. До Иртыша на юго-восток — около 3 км.

Памятник состоит из городища и селища. За три полевых сезона (1967, 1968, 1970 гг.) на нем вскрыта площадь 1192 м², в том числе на городище 867 и на селище 325 м² [3; 4, с. 34—35]. Раскопки проводились под руководством В. Ф. Генинга, в разные годы в них принимали участие Т. Н. Чебакова, Н. К. Стефанова, В. П. Викторова и В. А. Борзунов.

Городище (рис. 2) расположено у самого края террасы, на поверхности фиксировался только ров в виде неглубокой ложбины. Раскопками установлено, что оборонительная система состояла из внешнего рва и внутренней конструкции, в основе которой находились одна или две деревянные стены. Ров окружал с трех сторон вытянутую вдоль края террасы подпрямоугольную площадку (около 45 × 15 м). Длина рва — 73—75 м, ширина по верху — 2,5—3 м, глубина от уровня древней поверхности — 1,8—2,2 м, крутизна стен — 40—55°. В профиле ров имел на всем протяжении ступенчатую конфигурацию (четыре-пять ступеней высотой от 30 до 60 см каждая при ширине нижних — около 25 и верхних до 120 см), что само по себе не могло предохранить его песчаные стенки от осыпания. Вероятно, ступени были выложены дерном или закрыты деревом. От внутренней оборонительной конструкции сохранилась земляная насыпь шириной 2—3 м и толщиной до 0,3 м. Она отстоит от края рва на 1,2—2 м. Между ее основанием и рвом, а также по внутренней границе насыпи зафиксированы расположенные в цепочку ямы от столбов. Как правило, они крупных размеров: глубина в материке — 25—40 см, диаметр — 20—25 см. Судя по этим данным, внутренняя оборонительная конструкция состояла из

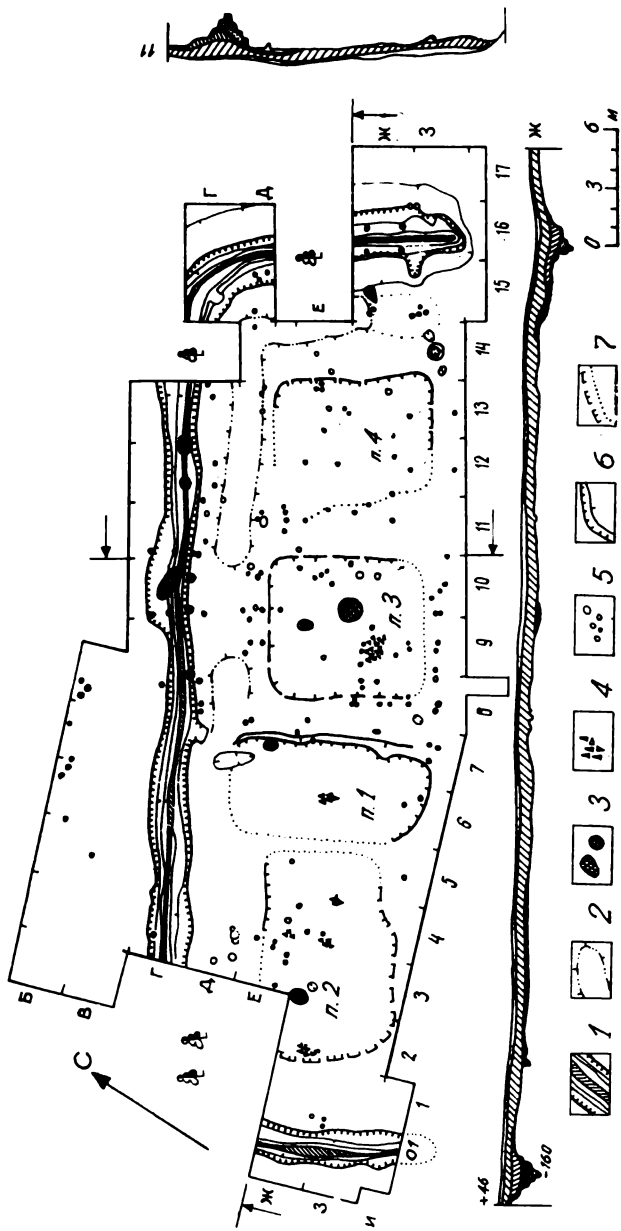

Рис. 2. Последнее Черноозерье I. План раскопа на городище:

1 — ров, 2 — земляная насыпь, 3 — очаг-кострище, 4 — скопление комков обожженной глины, 5 — столбовые ямки, 6 — граница котлована, 7 — предполагаемые очертания; л. — постройка

двух деревянных стен-заборов (расстояние между ними до 3 м [3, с. 20]), пространство между которыми было заполнено (по-видимому, на небольшую высоту) землей из рва. Остатки деревянной ограды с земляной забутовкой достаточно хорошо зафиксированы в восточной половине площадки городища, в западной они прослеживались лишь местами. Тем не менее мы предполагаем наличие аналогичных сооружений и в этой части городища.

С юго-восточной стороны (со стороны поймы) жилая площадка могла быть обнесена одной деревянной стеной. На это указывает цепочка столбовых ям вдоль края террасы.

Для прохода на внутреннюю площадку через ров были сооружены два моста. Основной находился почти в середине длинного отрезка рва, напротив постройки 3 (см. рис. 2). В этом месте во рву и около его внешней и внутренней границ зафиксировано семь столбовых ям, расположенных в два параллельных ряда (три — в западном ряду, четыре — в восточном). Расстояние между рядами и между крайними в каждом ряду опорами-устоями — 3 м. По-видимому, мостовое сооружение представляло собой простой деревянный прогон, положенный на вкопанные в землю столбы-опоры. Напротив основного моста двойная деревянная ограда прерывается на ширину 4,3 м. Судя по большому количеству ям от столбов, в этом промежутке имелась какая-то деревянная конструкция, напоминающая ворота. Еще один мостик (шириной около 2 м) был переброшен через ров в восточной части городища. Он опирался на четыре столба, валообразная насыпь напротив него также отсутствует (похоже, что здесь она вытоптана [3, с. 20; 5]). Вероятно, и здесь в деревянной стене был устроен проход. Завершая описание оборонительной системы, отметим, что практически на всем протяжении нижняя часть рва была заполнена углистыми и зольными слоями, а в средней части (под мостом — слева и справа от него) в заполнении обнаружены следы кострищ и прокалы. Под земляной насыпью находок не было.

За вычетом участков под стенами ширина площадки городища — не более 12 м, длина — 35—39 м (около 450 м²). На этом пространстве выявлены остатки четырех подпрямоугольных построек. Из-за незначительной глубины котлованов и отсутствия в ряде случаев четких цветовых различий между заполнявшим котлованы грунтом и материковым песком контуры всех сооружений не удалось выявить полностью.

Постройка 2 — крайняя с юго-западной стороны (9—9,5 × 5,5—6 м), площадь — около 50 м², длинными стенами ориентирована по линии ЮЗ — СВ, т. е. вдоль площадки и террасы. На ровном полу — ближе к северо-западной длинной стене — расчищено несколько столбовых ям, в расположении которых не улавливается какой-то системы. Недалеко от них обнаружены пятно прокала от кострища и рядом с ним небольшое углубление. В центральной части постройки зафиксированы ос-

татки глиняной обмазки очага — два скопления комков обожженной глины. В разных местах этой, по-видимому, жилой постройки на полу найдены крупные обломки сосудов, кости животных и комки обожженной глины.

Постройка 1, примыкавшая ко второй с северо-восточной стороны, имела, по-видимому, также прямоугольную форму, но была ориентирована по линии ЮВ — СЗ, перпендикулярно краю террасы. Длина северо-восточной стены — 11 м, ширина постройки — примерно 4,5—5 м. Около стен с наружной и внутренней сторон обнаружено около десятка столбовых ям. В северном углу расчищено очажное пятно — прокал округлой формы (0,6 × 0,7 м). В центре находился, по-видимому, еще один очаг: здесь найдены угли и остатки глиняной обмазки¹. В заполнении и на полу собрано около ста фрагментов керамики, несколько костей животных и комков обожженной глины.

Постройка 3 находилась в 2 м к северо-востоку от второй, напротив прохода на внутреннюю площадку. Ее котлован (около 8,2 × 7,5 м) длинными стенами ориентирован поперек площадки городища; расстояние между северо-западной стеной и рвом — 4,5 м. В жилище и возле него обнаружено большое количество столбовых ям. Часть столбов, расположенных в ряд вдоль стен — с внутренней и наружной сторон, а также в центральной части постройки, вероятно, связана с креплением стен и кровли, другие — с оформлением каких-то внутрижилищных конструкций. Напротив средней части юго-западной стены на полу расчищено большое (сферическое в разрезе) скопление комков обожженной глины. По некоторым кускам с оттисками палок можно заключить, что очаг имел деревянный каркас из жердей и веток, обмазанный глиной. Прокал под глиняной обмазкой в данном месте отсутствовал. В центре помещения находился открытый очаг-коstriще (пятно прокала толщиной до 20 см, диаметром 1,2 м), еще одно (меньшее по размеру) кострище (0,7 × 0,5 м) находилось неподалеку от середины северо-западной стены. Находки в жилище 3 немногочисленны.

Постройка 4 — крайняя с северо-восточной стороны, размером около 8 × 6 м, расположена поперек площадки городища. В ней не обнаружено никаких следов очага — ни прокала, ни развалов глиняной обмазки. Более двух десятков ям от столбов расчищено в разных местах котлована. Находок на полу мало.

Рядом с постройкой 4 (примерно в 1 м от восточного угла) находилась небольшая круглая яма диаметром 0,9 м и глубиной 0,5 м. За пределами исследованных сооружений на площадке городища обнаружено еще несколько ям от столбов и других небольших углублений. Серия столбовых ям выявлена и за пре-

---

¹ В одной из предварительных публикаций ошибочно указано, что глубина котлована этого жилища составляла 105 см [4, С. 33]. На самом деле это глубина фиксации пола от нулевой отметки; от уровня древней поверхности она не превышала 25 см.

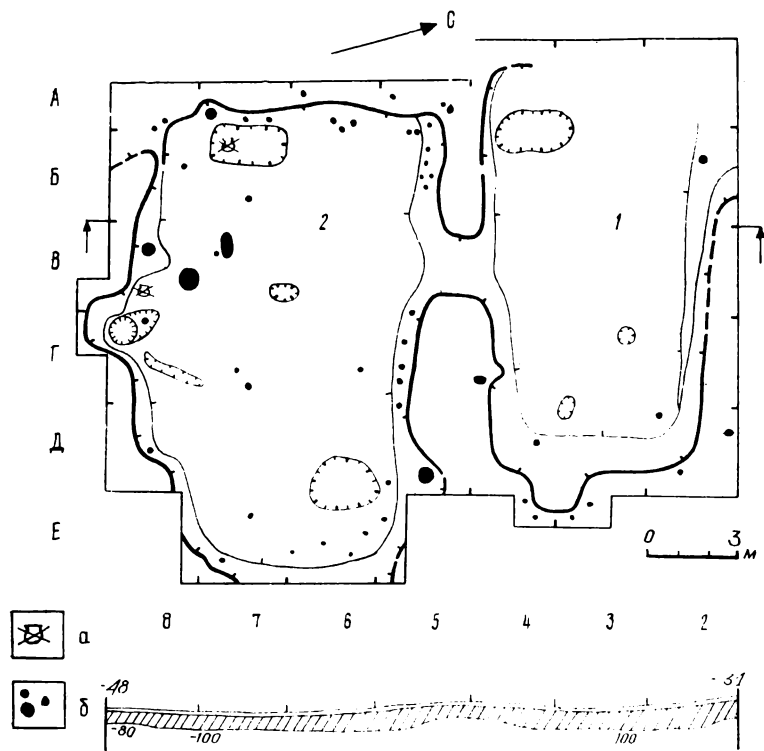

Рис. 3. Поселение Черноозерье I. План раскопа на селище:
 А — развал сосуда, Б — столбовые ямки; 1, 2 — жилище

делами укрепленной площадки. Например, в северо-западном направлении от жилища 1, в 4—5 м от внешней границы рва, расчищено девять таких ям. К сожалению, прилегающие к городищу участки не исследованы, поэтому о назначении обнаруженных ям судить трудно. Обратим внимание на следующий факт: довольно большое количество находок происходит из рва. По-видимому, обитатели городища сбрасывали в него бытовые отходы из своих построек.

Селище. На расстоянии 30 и 65 м к северо-востоку от городища, на задернованной поверхности, выделялись две пары довольно больших, но неглубоких жилищных впадин (см. рис. 1). В каждой паре впадины располагались вплотную друг к другу. Две дальние из них были исследованы в 1967 г.; в раскопе вскрыты остатки двух соединенных переходом сооружений (рис. 3).

Постройка 1 неукрепленной части поселка имела подпрямоугольный котлован (14×6 м), углубленный в материк на 0,2 м. Строение ориентировано длинными стенами с ЮВВ на СЗЗ

перпендикулярно краю террасы. Граница котлована в северном углу не прослежена, так как слой здесь сильно разрушен корневой системой. Входной проем, по-видимому, находился в восточной стене постройки, где котлован имел выступ наружу — в сторону поймы. Размер выступа — около $1,5 \times 1,5$ м. У входа выявлены четыре столбовые ямки — по две с каждой стороны, причем две из них вертикальные конические и две наклонные. В западном углу постройки находилась овальная яма ($2,4 \times 1,5$ м), глубиной 0,3 м от уровня пола, в заполнении которой обнаружены угольки, фрагменты керамики и кости животных. Еще два углубления значительно меньших размеров зафиксированы в восточной половине котлована. Пол ровный, столбовых ям мало. Остатков очага не обнаружено, но найдено несколько комков обожженной глины (остатки глиняной обмазки очага?). Находки — обломки посуды и кости животных — в основном концентрировались у северо-восточной стены.

Постройка 2 находилась на 2,2 м южнее постройки 1 и соединялась с ней переходом шириной 1,8 м. Котлован подпрямоугольной формы ($15 \times 8,5$ м), углублен в материковый песок на 0,2 м. Дно его ровное, углы скругленные. Вход мог находиться в восточной стене, но она исследована неполностью. В западном углу котлована обнаружена яма прямоугольной формы ($2,6 \times 1,4$ м) глубиной 0,25—0,3 м от уровня пола. В противоположном углу была еще одна яма овальной формы ($2,5 \times 1,8$ м) глубиной 0,3 м. В середине южной стены имелся направленный наружу трапециевидный выступ котлована длиной 1,5 м и шириной в основании 2,1 м. На полу в этом месте располагалось еще одно небольшое углубление. Рядом с ним расчищена узкая длинная (более 2 м) канавка. В пределах котлована обнаружено более 30 ямок от столбов, особенно много их вдоль северо-восточной стены. В заполнении котлована и на полу — немного керамики (в том числе несколько раздавленных сосудов) и костей животных. Очаг не обнаружен, но в заполнении попадались куски обожженной глины.

Судя по составу находок, обе постройки использовались в качестве жилищ. По-видимому, нераскопанные объекты — впадины 3 и 4 — также являлись жилищами, имевшими близкие двум исследованным характеристики (форму, размер, конструктивные особенности и др.); вероятно, они тоже соединены переходом.

Таким образом, поселение Черноозерье I включает четыре жилища на защищенной рвом и стенами прямоугольной площадке и еще как минимум четыре — рядом с городищем. Кстати, предполагаемый второй мост-проход на укрепленную площадку располагался со стороны жилищ селища. Постройки каркасно-столбовой конструкции, наземные или с незначительно углубленным котлованом (глубина котлованов 0,15—0,25 м в материке или до 0,3—0,4 м от уровня древней поверхности) прямо-

угольной формы; площадь от 50—70 м² на городище до 84—125 м² на территории селища. Расположены в одну линию. Семь построек из восьми ориентированы длинными стенами перпендикулярно бровке террасы. В жилищах имелось, вероятно, по одному-два очага. Очаги двух типов: наземные кострища и глинобитные.

Коллекция находок с городища и селища включает керамику, немногочисленные предметы из бронзы, камня и глины, остеологические остатки.

Керамика. Коллекция содержит обломки более 230 сосудов, из них около 140 происходят из укрепленной части поселения и 90 — из двухкамерного сооружения на территории селища. Керамика из всех исследованных объектов однородна, что позволяет ограничиться ее суммарной характеристикой.

Вся посуда плоскодонная. Из шестидесяти сосудов с городища, которые удалось реконструировать, более 60 % — баночной формы. Примерно в равной пропорции представлены банки с прямыми стенками (см. рис. 5, 5, 7) и закрытые — стенки в верхней половине незначительно наклонены внутрь сосуда (см. рис. 5, 1, 6, 12; и др.); баночные сосуды открытой формы довольно редки (см. рис. 5, 8). Из числа сосудов, собранных в раскопе на селище, две трети также банки ([4, с. 34], см. рис. 6). Около 10—15 % черноозерской посуды имеют четко выраженную горшковидную форму (рис. 4, 4, 23; см. рис. 6 — 6, 13; и др.), несколько больше в коллекции сосудов промежуточной (между горшками и банками) формы. Как правило, это банки с округлым туловом, стенки которых в верхней части немного отогнуты наружу (см. рис. 4, 13, 19; 6, 7). Форму таких экземпляров разные исследователи определяют как слабопрофилированную, горшечно-баночную, неразвитую горшечную, горшкообразную и т. п. В коллекции есть несколько миниатюрных сосудов (см. рис. 4, 8).

Разнообразие форм в большей степени характеризует посуду средних размеров; крупные экземпляры (диаметр устья — более 20 см) чаще имеют баночную форму. Почти у половины сосудов венчик округлый, у остальных — плоский либо уплощенный. Более 95 % черноозерской посуды орнаментировано, узором покрыты обычно верхние две трети поверхности стенок. Впрочем, в комплексе есть небольшая группа сосудов, у которых декорирована только верхняя половина — в зоне под венчиком (см. рис. 4, 16; 6, 5) или, что значительно реже, полностью (см. рис. 7, 6). Для части сосудов характерно наличие орнаментального пояса у самого дна (см. рис. 4, 20, 22; рис. 5, 11, 15).

В коллекции керамики поселения Черноозерье I, весьма разнообразной по составу орнаментальных мотивов, принципам построения, способам нанесения узоров и морфологическим особенностям, выделяется группа сосудов (преимущественно средних размеров) горшковидной формы с орнаментом из мелко-

Рис. 4. Керамика поселения Черноозерье I (1—24 — городище)

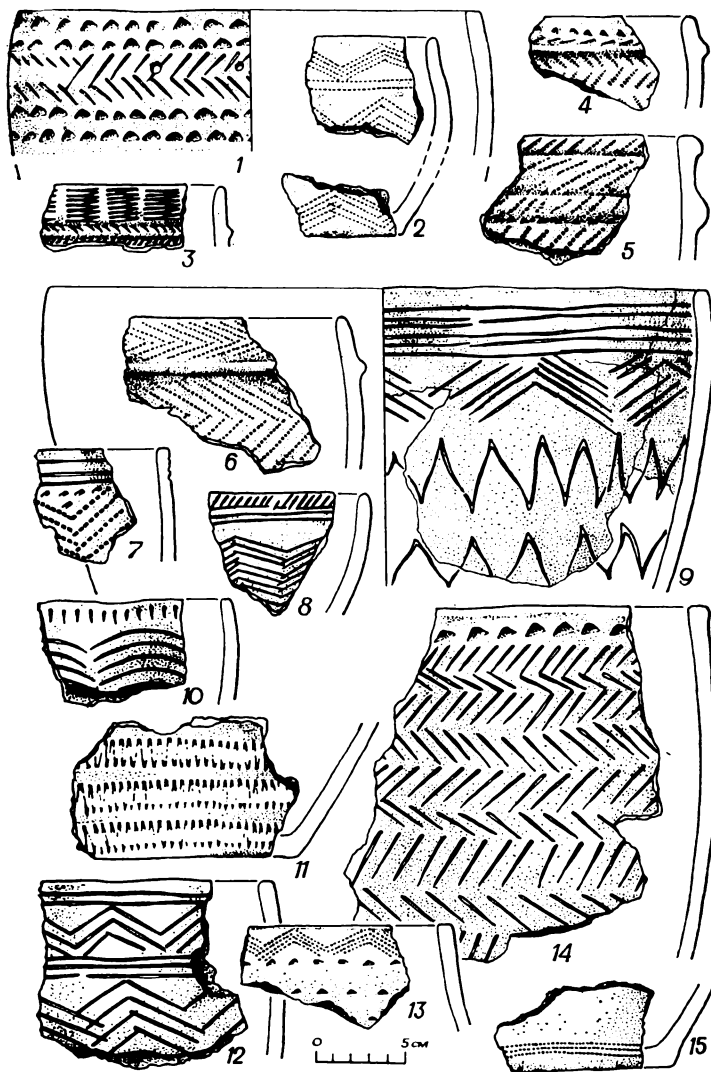

Рис. 5. Керамика поселения Черноозерье I (1—15 — городище)

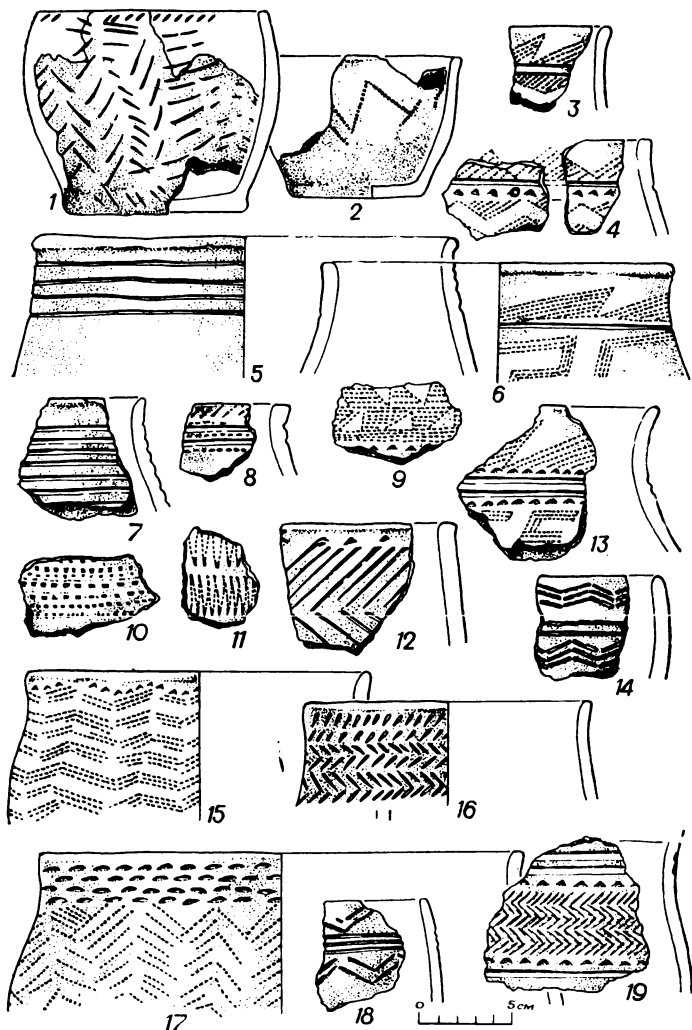

Рис. 6. Керамика поселения Черноозерье I (1—19 — селище)

гребенчатых треугольников, меандровых фигур и желобчатых линий (см. рис. 4, 1—7; рис. 6, 3, 4, 6, 9, 13). В основном они имеют плавнoproфилированное тулово, но на некоторых из них встречается плечевой уступчик (см. рис. 4, 11). В целом данная группа немногочисленна и составляет около 10 % от общего количества посуды. Другую (также небольшую — около 4—5 %) группу образуют сосуды в основном слабопрофилированные, средних размеров, с плоским или уплощенным венчиком, орнаментированные только в верхней трети или половине горизон-

тальными узкими желобчатыми линиями — каннелюрами, иногда в сочетании с рядами наколов (см. рис. 4, 13, 16, 17; 6, 7, 8). Для посуды обеих групп характерна более тщательная обработка поверхности. В ряде случаев керамика подвергалась лощению. Тесто тонкое, примеси в глине — песок, дресва².

Третья группа (основная в комплексе) представлена сосудами разнообразных, преимущественно баночных и слабопрофилированных, форм и размеров. Они украшены монотонными несложными узорами из рядов елочки, зигзаговых и горизонтальных линий, подтреугольных вдавлений под венчиком. Орнамент выполнен в гребенчатой, резной (гладкий штамп) и прочерченной технике; довольно высок удельный вес техники наколов углом палочки. Почти два десятка сосудов (8—10 % от всего комплекса черноозерской посуды в основном — крупные банки) имеют в верхней части тулова горизонтальный формованный или налипной валик (см. рис. 5, 3—6; рис. 7, 2—6). В большинстве случаев валики орнаментированы резной или гребенчатой елочкой либо наклонными отпечатками гребенчатого штампа. Единично представлены сосуды, украшенные гребенчатой или гладкой качалкой (см. рис. 4, 21; 5, 9, 11; 6, 10, 11). Нехарактерны для посуды данной группы геометрические мотивы в орнаментации и мелкогребенчатая техника.

По технологическим показателям керамику третьей группы можно разделить на две почти равные подгруппы. Подгруппа А — сосуды, украшенные преимущественно елочным орнаментом (сюда же попадает почти вся валиковая посуда). Тесто очень грубое, в качестве примесей использовались крупный шамот, окатанный песок, дресва (дробленая порода), органические добавки и изредка — толченая раковина. Внутренняя поверхность многих сосудов имеет характерные следы обработки гребенчатым шпателем. Толщина стенок в среднем составляет 0,9—1 см. Подгруппа Б — посуда с горизонтальным зигзаговым орнаментом. Тесто более плотное, формовочные массы более тонкие. Примеси: шамот, песок, дресва и какая-то белая крошка. Гребенчатый шпатель при обработке поверхности почти не использовался. Толщина стенок — 0,7—0,8 см.

Формовка сосудов в основном осуществлялась по жгутовой технологии (ширина жгутов 1,5—2,5 см) на твердой вращающейся подставке с шамотной подсыпкой. Формы конструировались методом внутреннего жгутового налепа. В то же время в первой группе шейки горшковидных сосудов моделировались наложением ленты со скосом наружу.

Напомним, что на городище в заполнении рва был найден обломок верхней части ангобированного сосуда среднеазиатского типа [3, с. 22—23, рис. 2, 2].

² В данной работе используются предварительные результаты технологического анализа керамики Черноозерского I поселения, выполненного И. Г. Глушковым.

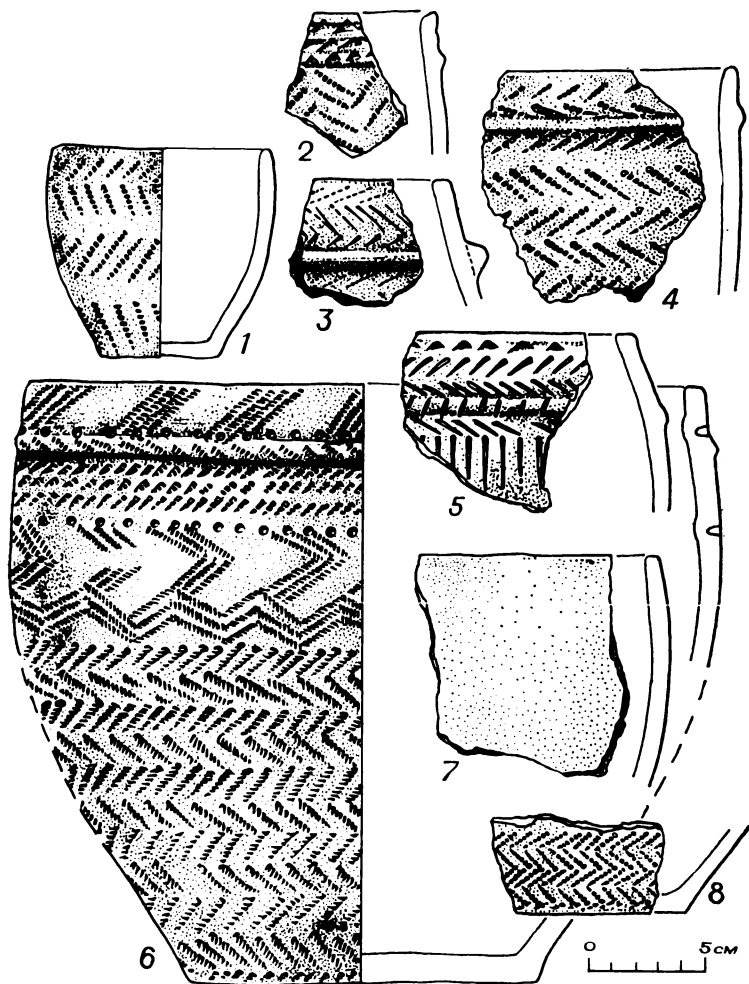

Рис. 7. Керамика поселения Черноозерье I (2, 4 — селище, 1, 3, 5—8 — городище)

Изделия из бронзы. Желобчатый в сечении браслет с концами, свернутыми в спираль (рис. 8, 2), обнаружен в заполнении рва, около предполагаемого основного моста-прохода. Здесь же найден фрагмент пронизки или обоймы из тонкой пластины (см. рис. 8, 3). Четырехгранное шило с притупленной пяткой (см. рис. 8, 4) найдено между валообразной насыпью и рвом в восточной части городища. Такое же шило происходит из жилища 4. В противоположной (западной) части городища, во рву, обнаружена свернутая из тонкого листа в трубочку втулка ка-

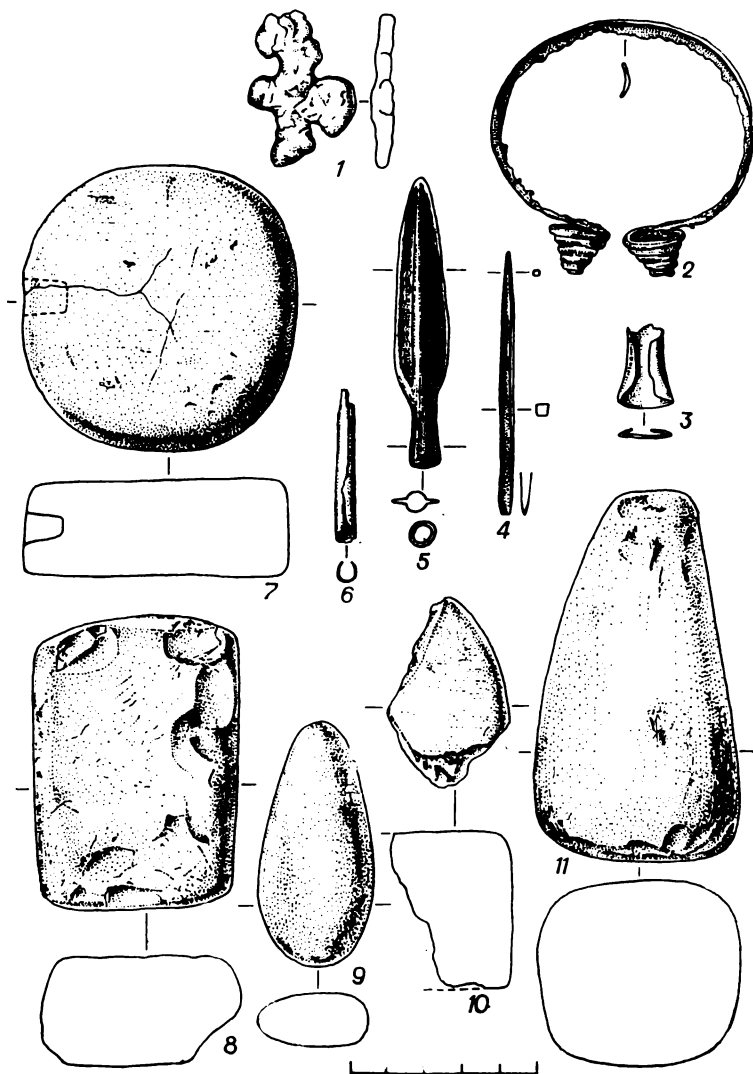

Рис. 8. Инвентарь поселения Черноозерье I (5 — селище,
1—4, 6—11 — городище)

кого-то предмета или втулка-пронизка (см. рис. 8, 6). Небольшая коллекция металлических изделий, найденных в укрепленной части поселения, включает также слиток бронзы (см. рис. 8, 1). В. П. Викторов и В. А. Борзунов упоминают среди прочих находок бронзовую крестовидную подвеску [3, с. 23].

Недалеко от построек 1 и 2 селища на пашне найден бронзовый наконечник стрелы с продолговатым листовидным пером и короткой втулкой (см. рис. 8, 5). На наш взгляд, связь наконечника стрелы с культурными остатками поселения Черноозерье I более чем вероятна (кроме наконечника на пашне, собрана керамика типа найденной на поселении).

На территории городища обнаружены несколько **каменных предметов**, употреблявшихся в металлообработке; два средних молотка (среднего действия, по Г. Ф. Коробковой) дляковки горячего металла, использовавшиеся с рукоятью³ — из построек 3 (см. рис. 8, 11) и 4 (см. рис. 8, 8); последний инструмент имеет две рабочие поверхности. Еще одно орудие, по-видимому, аналогичной функции обнаружено около жилища 2. Из объектов селища происходят обломок абразивного камня и лошילו (?) из гальки.

Глиняные предметы. Уплощенный диск с небольшой четырехугольной ямкой в боковой грани (см. рис. 8, 7) найден около рва со стороны селища. Одна из плоских сторон диска гладкая, со следами пришлифовки. Назначение этого предмета неясно. Возможно, он использовался как гладилка или лошילו. Обломок какого-то глиняного изделия обнаружен на городище в жилище 3 (см. рис. 8, 10).

Фаунистические остатки. В объектах городища собрано более 400 костей животных, из них 356 определимых [6, с. 37—38]. Подавляющее большинство костей принадлежит домашним видам (крупный рогатый скот: 187 костей от семи особей, мелкий рогатый скот — 138/8, лошадь — 30/3), кости диких животных единичны (медведь — 4/1, лось — 3/1). Коллекция фаунистических остатков из исследованных построек селища, к сожалению, утрачена.

В целом можно констатировать незначительную насыщенность культурного слоя находками, как на городище, так и на селище.

С самого начала исследования не вызвала сомнений принадлежность поселения Черноозерье I к кругу памятников андроновской культурно-исторической общности (АКИО [4, с. 33—36]). В настоящее время мы имеем возможность более детально рассмотреть вопросы происхождения подобных комплексов в Среднем Прииртышье, уточнить их специфику, хронологию и наметить основные линии развития.

---

³ Заключение Г. Ф. Коробковой.

Можно со всей определенностью утверждать, что появление памятников типа Черноозерье I связано с проникновением в прииртышскую лесостепь андроновского населения. По мнению некоторых исследователей [7, с. 152—153], массовые миграции андроновцев из казахстанских степей на север — в предтаежную зону, на восток — Минусинскую котловину, и на юг — земледельческие оазисы Азии, обусловлены физико-географическими причинами (крайний ксеротерм). Как полагают Г. Б. Зданович и М. К. Хабдулина, исход андроновских племен из районов Северного и Центрального Казахстана наиболее активно протекал на стыке двух культур АКЮ: алакульской и федоровской, т. е. в XIV в. до н. э. [7, с. 152]. Данный вывод находит подтверждение в материалах среднеиртышских поселений: Черноозерья I, Николаевского IV, Дружино, Сибирской Саргатки I (ранний комплекс), Андреевского I, Имшагала, Омской стоянки и др. К сожалению, не все эти памятники должным образом исследованы. Тем не менее керамические комплексы данных поселений обязательно включают — в том или ином количестве, но не более 10—15 %, — посуду классического федоровского стиля с роскошным мелкогребенчатым ковровым орнаментом и прочими обязательными признаками (керамика первой группы на Черноозерье I). Для федоровских комплексов типична керамика второй черноозерской группы, орнаментированная каннелюрами или каннелюрами в сочетании с наколами. Наряду с федоровскими в иртышских памятниках почти всегда присутствуют горшководные сосуды смешанного алакульско-федоровского облика, сочетающие федоровские (форма, орнаментация) и алакульские (плечевой уступчик, неорнаментированная полоса в основании шейки, некоторые орнаментальные мотивы) черты. Нам уже приходилось отмечать, что сосуды подобного типа несколько чаще встречаются в памятниках, тяготеющих к зоне южной лесостепи (Дружино, Омская стоянка); в комплексах из северной лесостепи их удельный вес снижается до 3—5 % [8]. В Северном Казахстане аналогичная керамика получила название амангельдинской [9, с. 64, 153; 10, с. 53—56]. Довольно многочисленную группу в амангельдинских могильниках (Амангельды I, Куропаткино II) составляют небольшие банки с прямыми или слегка округлыми стенками, украшенные горизонтальными зигзагами, поясами гребенчатой или гладкой качалки и горизонтальными линиями или каннелюрами [10, с. 53—54, рис. 3, 4]. В небольшом количестве такая посуда имеется в материалах среднеиртышских поселений, в том числе на Черноозерье I (см. рис. 4, 21; 6, 14, 18). И наконец, какая-то часть сосудов, преимущественно с зигзаговым орнаментом (подгруппа Б), в меньшей степени — с елочным, отнесенных нами к третьей группе, также имеет надежные аналогии в памятниках АКЮ на огромной территории, от Урала до Енисея (см. рис. 4, 12, 15, 19, 23; 5, 7; 6, 15—17). Это бытовая или хозяйственно-

производственная посуда, постоянно сопутствующая классической федоровской на поселениях федоровской культуры, таких как Бишкуль IV, Дуванское XVII и др. [9, с. 113; 11, с. 147—150]. В восточных районах АКИО подобная керамика часто встречается в погребениях, в том числе вместе с горшками со сложным ковровым узором [12, 13, с. 63]. Кстати, некоторые из таких сосудов (см. рис. 4, 12, 15; 5, 12, 13; 6, 1, 2 и др.) вполне сопоставимы с керамикой позднеалакульского облика.

Таким образом, часть черноозерской керамики, безусловно, андроновского происхождения; структурно-типологически она полностью соответствует комплексам федоровских поселений казахстанских степей и других районов АКИО. Интересно, что несколько сосудов первой группы, судя по технологическим данным, являются на Черноозерье I импортными, т. е. они в прямом смысле откуда-то привезены. Однако андроновский компонент в составе черноозерского комплекса не единственный и, возможно, даже не преобладающий.

По меньшей мере, половина черноозерских сосудов демонстрирует гончарные традиции, характерные для кротовской культуры Среднего Прииртышья [14—16]. Керамики, кротовская принадлежность которой очевидна, немного — несколько десятков фрагментов (предположительно 1—3 % от общего количества посуды). Найдены они и на городище, и на селище, в одинаковых условиях с керамикой других групп. Собственно «кротовская» часть коллекции представлена сосудами баночной формы, тулово которых украшено горизонтальными рядами плотно поставленной шагающей гребенки; при этом концы штампа вдавливались несколько глубже, чем средние зубцы (см. рис. 6, 10). Подобный специфический прием — характернейшая черта кротовской орнаментики [14, с. 42]. Чрезвычайно близки кротовским сосуды, украшенные гладкой качалкой с малой амплитудой шага, образующей горизонтальные пояса на тулове и вертикальные столбцы под венчиком (см. рис. 5, 3, 11). Однако и такой посуды в коллекции немного.

Гораздо многочисленнее комплекс керамики, которую можно условно определить как трансформированную кротовскую или андроновско-кротовскую. В основном он представлен сосудами третьей группы (подгруппа А). Сходство посуды этой группы с кротовской прослеживается в форме (баночная и слабопрофилированная), принципах орнаментации (сплошная, горизонтально-зональная), наличии таких специфических элементов, как валик, жемчужины (у трех сосудов), употреблении гладкой и гребенчатой качалки и, наконец, способах обработки поверхности и рецептуре формовочных масс. Конечно, отмечаемое сходство не настолько велико, чтобы отнести данную черноозерскую керамику к кротовскому культурному типу. В целом черноозерская посуда третьей группы орнаментирована в иной, отличной от кротовских стереотипов, манере; есть различия и в способах

формовки сосудов. По мнению И. Г. Глушкова, формовка на твердой вращающейся подставке с использованием шамотной подсыпки, скорее, характерна для андроновского гончарства.

Видимо, нет необходимости доказывать, что керамика, подобная рассматриваемой, типична для андроновских памятников восточной зоны АКЮ: она есть в Барабе, Верхнем Приобье, Восточном Казахстане, на Алтае и даже Енисее (поселение Ключи [13, с. 50, рис. 10]). Нельзя не обратить внимание на то, что в некоторых из названных районов андроновским древностям предшествуют комплексы близких или даже родственных культурных образований, в частности, кротовской и елунинской культур. К западу от Иртыша — в Урало-Казахстанских степях и в лесостепной зоне — посуда баночных форм с елочной орнаментацией (подгруппа А) нигде не образует значительных серий и не типична для комплексов федоровской культуры. С учетом сказанного логично предположить, что формирование керамических комплексов типа третьей группы Черноозерье I — результат взаимодействия кротовских и андроновских орнаментально-технологических традиций. О существовании непосредственных контактов и взаимовлиянии между кротовскими и андроновскими федоровскими группами населения, о значительной роли кротовского компонента в формировании черноозерского варианта АКЮ свидетельствуют также наличие андроновской посуды в жилищах кротовского поселения Черноозерье IV [17, с. 56, 57], и наоборот, кротовской — на поселениях Сибирской Саргатки I (ранний комплекс), Черноозерья I, преобладание типов жилых построек и оборонительных систем. Напомним, что кротовское поселение Инберень X было обнесено деревянным частоколом, а Черноозерье VI окружено с трех сторон канавой [15, с. 54—55]. Оба памятника расположены на краю террасы. В. А. Борзунов отмечает, что береговые системы с незамкнутыми канавками-рвами и деревянными стенами по периметру, подобные Инберени X, Черноозерью VI и I, достаточно специфичны и характерны именно для Среднего Прииртышья. Они появляются здесь в предандроновское время. По мнению В. А. Борзунова, черноозерская фортификация содержит такие элементы андроновских степных поселений, как прямоугольная форма оборонительной системы, глубокие и широкие ступенчатые рвы, плотность и упорядоченность (в линию) застройки внутренней площадки [5].

Бесспорно, связанный с поселением Черноозерский I могильник [18] также демонстрирует характерные для кротовской и андроновских культур особенности погребального обряда, а посуда из могил не лишена кротовского колорита.

Если быть последовательными, то культурное образование, представленное памятниками типа поселения Черноозерье I (а они составляют целый пласт в культурно-хронологической стратиграфии бронзового века Среднего Прииртышья [4, 19,

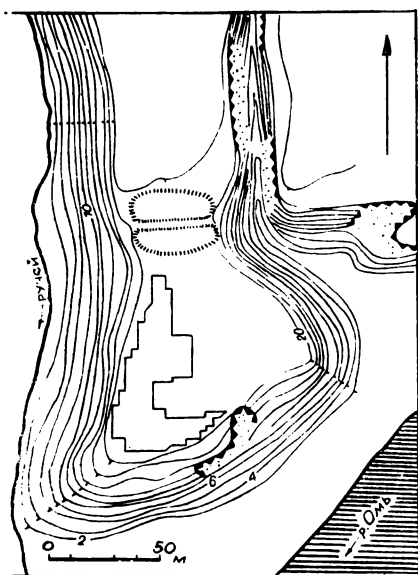
с. 118—132]), нельзя называть андроновским, так как оно содержит, наряду с общеандроновскими и федоровскими, множество элементов среднеиртышского кротовского происхождения. По формуле образования — это андронидная культура первого порядка, если ко второму отнести черкаскульский, сузгунскую и другие, в которых собственно андроновский компонент проявляется уже в преобразованном виде. Этот вывод вполне согласуется с мнением Е. Н. Черныха и его коллег о существовании в XIV—XII вв. до н. э. в обь-иртышской тайге и лесостепи андронидных культур, представленных могильниками типа Черноозерского, Томского, Еловского и Сопки [20, с. 37].

Судя по тому, что материалы поселений Восточного Казахстана (Канай, Мало-Красноярка [21]), Барабы (Каргат-6 [22, с. 100—101; 23]), Новосибирского Приобья (Красный Яр [24, с. 13—14]), Обь-Чулымья (Тамбарское, Обьюл, Березовский Ручей [25]) и Алтая (Большой Лог I [26]) по многим признакам близки черноозерским, данный вывод может оказаться справедливым и для других районов восточной зоны АКЮ. В этой связи представляются категоричными выводы алтайских археологов, доказывающих «неправомерность мнения о наличии единых комплексов, содержащих валиковую и федоровскую керамику» [27, с. 105]. Отмечая появление валиков на поселенческой керамике около XIII в. до н. э., они не могут найти этому факту объяснение [27, с. 122]. Кстати, на опорном андроновском поселении Большой Лог I валиковая керамика была найдена, но в верхних горизонтах [26, с. 43; 27, с. 107], при этом в раскопе не зафиксировано остатков каких-либо построек. Более определенно высказываются о валиковой посуде В. В. Бобров и Ю. И. Михайлов. Они рассматривают валики на баночной посуде обь-чулымских поселений как эпохальное явление, связанное с культурами валиковой керамики (КВК) Казахстана и Средней Азии [25, с. 119; 28, с. 22].

На наш взгляд, связь валиковой керамики с андроновской, федоровской убедительно доказывается на материалах поселений Дуванское XVII в Притоболье [11], Сибирской Саргатки I и Черноозерья I на Иртыше, группы обь-чулымских памятников и др. Интересующие нас типы встречены совместно в пределах одного могильника (Соленоозерная I, Новая Черная III в Минусинской котловине [13, с. 178, табл. XLIII; с. 183, табл. XLVIII]) и даже под одной курганной насыпью (Венгерovo VII в Барабе, курган I [29, с. 90—92, рис. 9]). Наконец, можно вспомнить, что такие специфические федоровские находки, как глиняные четырехугольные блюда, нередко встречающиеся в могильниках причелябинского района, иногда опоясаны наклепным валиком (Сухомесово, Туктубаево, Урефты [30, с. 164—165]).

Принимая во внимание более ранний возраст федоровских древностей по отношению к культурам общности КВК и учи-

Рис. 9. Городище Большой Лог.
Общий план и раскоп 1965 г.

тывая большое сходство валиковой посуды андроновских поселений восточной зоны АКИО, мы предполагаем, что она происходит от валиковой керамики культур доандроновской бронзы, в частности — кротовской и елуинской. Данная версия представляется нам наиболее предпочтительной, но она нуждается в проверке. Также нуждается в дальнейшей разработке тезис о специфическом характере культурных образований андроновской общности на восточной окраине ее ареала, заключающемся в органическом сочетании культурных традиций

пришлого (андроновского) и местного населения. Это находит проявление не только в керамике, но и в металлообработке, погребальном обряде, домостроительстве и т. д.

Обращаясь к среднеиртышским памятникам черноозерского типа, можем высказать следующие соображения по вопросу их культурной принадлежности и хронологии.

1. Мы склонны относить их к андроновской (а не андронидной) общности на том основании, что один из компонентов этого культурного образования имеет, безусловно, андроновское (федоровское с элементами алакульского) происхождение. Пришлые (по-видимому, из Казахстана) андроновские коллективы в значительной степени трансформировали культуру местных племен, но полного замещения ее не произошло. Вероятно, появлению андроновцев в лесостепном Прииртышье предшествовали какие-то контакты с местным кротовским населением (керамика андроновского облика на Черноозерье IV). Результат сложных ассимиляционно-интеграционных процессов — формирование культурных комплексов черноозерского типа, образующих локальную группу на периферии андроновского ареала. Их можно рассматривать в качестве одного из вариантов андроновской культурной общности, как предполагает М. Ф. Косарев [19, с. 118—131; 31, с. 279—281], имея в виду при этом, что черноозерско-томские памятники не принадлежат «андоновской культуре — ни в федоровском, ни в алакульском, ни в иных ее «вариантах» и «этапах»: [19, с. 129]. Не можем безоговорочно принять предположение М. Ф. Косарева относительно участия в

формировании черноозерско-томских комплексов верхнеиртышского населения, продвинувшегося на север и обосновавшегося в пограничье лесостепной и таежной зон [19, с. 130—131]. Сходство черноозерских и канайских материалов (а оно есть и довольно значительное) может иметь иное объяснение.

2. О хронологии черноозерских памятников. Федоровская культура в Южном Зауралье и Казахстане датируется в рамках третьей четверти II тыс. до н. э. (вторая половина XIV—XIII вв. до н. э., по Г. Б. Здановичу [9, с. 144], XV—XIII вв. до н. э., по Е.Е. Кузьминой [32, с. 191; 33, с. 156], есть и иные даты). В этом интервале, а точнее XIV—XIII вв. до н. э., должны датироваться и черноозерские древности лесостепного Прииртышья. Наличие алакульских элементов в керамическом комплексе поселения Черноозерье I позволяет отнести этот памятник, по крайней мере, к концу XIV в. до н. э., когда на широкой территории получают распространение переходные комплексы кожумбердынского и амангельдинского типов [9, с. 153]. Этой дате не противоречит облик прочего инвентаря, в том числе металлического. Вероятно, период существования памятников черноозерского типа на Иртыше не был продолжительным, и уже в XIII—XII вв. до н. э. они сменяются поселениями и могильниками пахомовского историко-культурного горизонта [34, с. 10—15; 36]. В сложении андроновидных пахомовских комплексов основное место принадлежало черноозерскому компоненту. Пахомовские памятники синхронны ранним алексеевско-саргаринским в степной зоне, позднечеркаскульским — в Зауралье и на других территориях, ордынским — в Новосибирском Приобье.

Р. С. Остатки фортификации в виде канавы-рва зафиксированы недавно А. Я. Труфановым близ д. Сибирская Саргатка в Саргатском р-не. По материалу из рва поселение Сибирская Саргатка IV отнесено автором разведки к андроновской эпохе «в широком смысле этого слова» [36, с. 38—39].

Городище у оврага **Большой Лог** исследовалось в 1949 г. В. В. Чернецовым и В. И. Мошинской [37], в 1965 г. — свердловскими археологами В. Ф. Генингом и Р. Д. Голдиной [38]. Результаты раскопок частично опубликованы [4, 37—39], однако введенная в научный оборот информация лишь в малой степени отражает богатство и разнообразие полученных материалов, уникальный характер памятника. Яркие и выразительные комплексы Большого Лога продолжают привлекать внимание многих специалистов, но, пожалуй, особый интерес они приобретают в связи с проблемами общности культур валиковой керамики (КВК), а также ирменской, красноозерской и саргатской археологических культур [40—45; и др.]. Значительные достижения в изучении бронзового века Западной Сибири, новые памятники и массовые материалы позволяют по-иному взглянуть и на Большой Лог, пересмотреть сделанные ранее выводы о месте этого памятника в системе западносибирских и уралоказахстанских

культур заключительной стадии бронзового века. Большой Лог находится в черте Омска, на правом берегу р. Оми (примерно в 15 км от ее устья — впадения в Иртыш).

Памятник расположен на подтреугольном мысу между двумя глубокими оврагами, выходящими в этом месте к р. Оми (см. рис. 9). У обрыва реки ширина мыса — около 80 м; севернее (на 90—100 м) он сужается до 40 м. Высота мыса — 20—25 м. В наиболее узкой части он перерезан глубоким рвом, по обе стороны от которого сохранились остатки валов. Через 70 м, возможно, находился еще один ров [37]. Оборонительная система не исследовалась, поэтому неизвестно, когда она была сооружена. По-видимому, на этот вопрос смогут ответить омские археологи, с 1990 г. ведущие на Большом Логу охранные раскопки [46].

Поселение Большой Лог — многослойный памятник: ранний комплекс относится к позднему бронзовому веку, два других — к раннему и позднему средневековью [4, 37, 39]⁴. Площадь поселения бронзового века составляет не менее 6—7 тыс. м². В юго-западной и западной частях площадки городища в 1965 г. вскрыто 1625 м². В раскопе исследованы остатки тридцати жилищ (рис. 10), из которых двенадцать относятся к эпохе бронзы (№ 1, 3, 7, 9, 11, 13, 17, 19, 20, 25, 29, 30). Многие объекты раннего поселка нарушены поздними сооружениями.

Жилище 1. Вскрыто не полностью; имело котлован прямоугольной формы шириной около 7—8 м, глубиной 0,4 м (в материке), ориентирован по линии СЗ — ЮВ. От середины северо-западной стены под прямым углом отходил коридорообразный выход длиной более 2 м, шириной — около 1 м. Вдоль его западной границы расчищены две столбовые ямки. Около северо-восточной стены котлована пол углублен ниже остальной части на 0,2—0,25 м. Рядом с этим углублением (почти напротив выхода) находился очаг, от которого сохранилось круглое пятно прокала толщиной до 10 см.

Жилище 3. Расположено в 1,5 м к востоку от котлована постройки 1. Сильно разрушено. Судя по сохранившимся деталям, имело котлован глубиной 0,1—0,15 м и длиной около 9,5 м. Ориентация стен — с северо-запада на юго-восток. В северном углу есть наметки выхода. На полу обнаружены остатки трех очагов — наземных кострищ, два из них — около восточной стены, один — ближе к центру.

---

⁴ Судя по тезисам доклада, омские археологи считают, что «...так называемый раннесредневековый горизонт Большого Лога является, в действительности, относящимся к поздне-кулайскому или раннему железному веку». Кроме того, в коллекции находок бронзового века они выделили около 20 фрагментов керамики середины — второй половины II тыс. до н. э. («...один фрагмент... напоминает кротовскую посуду», принадлежность остальной керамики «к андроновскому хронологическому пласту не вызывает сомнений») [46, с. 87—89].

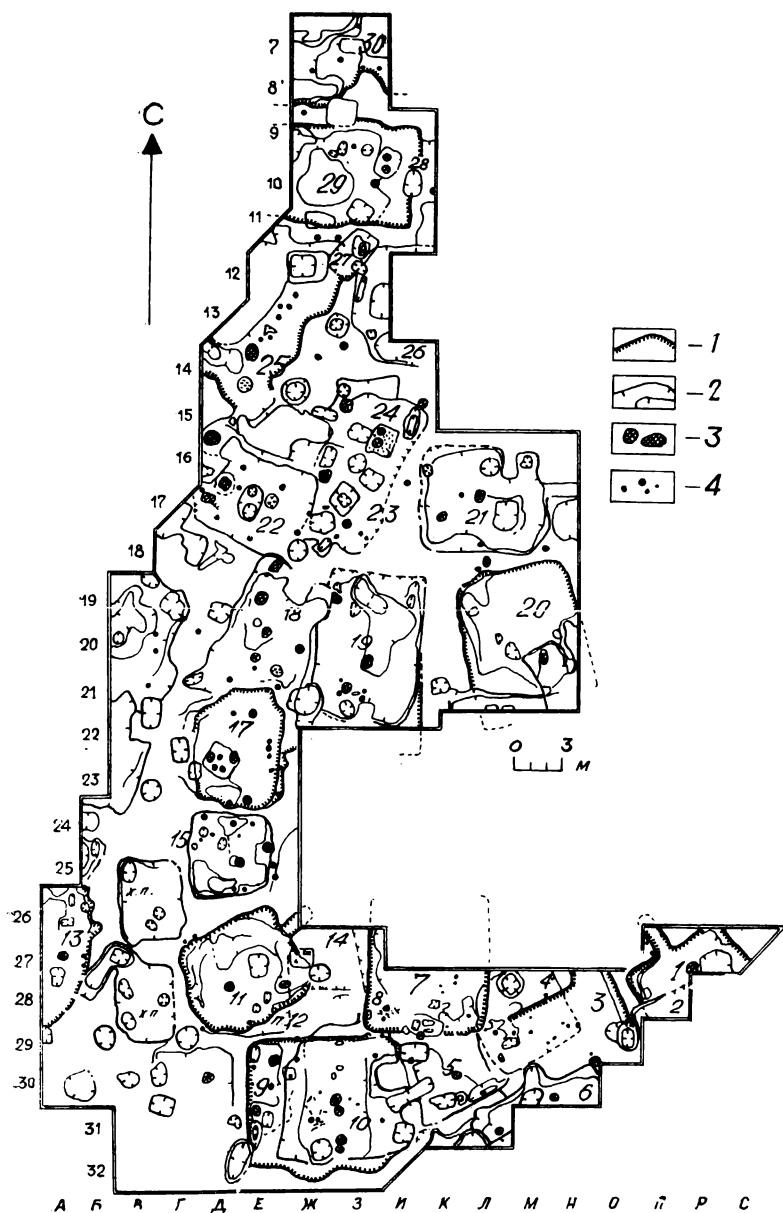

Рис. 10. Городище Большой Лог. План раскопа 1965 г.:

1 — очертания углубленной части жилищ бронзового века, 2 — граница котлованов жилищ и хозяйственных построек (Х.П.) железного века, 3 — очаги, 4 — столбовые ямки, 1—30 — жилища

Жилище 7. Находилось с восточной стороны от жилища 3. Вскрыта только южная половина. Котлован прямоугольной формы шириной около 9 м и углублен на 0,1—0,15 м в подстилающий грунт. Ориентация стен — по сторонам света. В центральной части найдено несколько столбовых ям, еще две ямы от крупных столбов расчищены у середины южной стены котлована.

Жилище 9. Располагалось к юго-западу от постройки 7. Сильно разрушено. Котлован прямоугольной формы (10—12×9,5 м), углублен в материк на 0,3—0,4 м. Стены ориентированы по сторонам света. С северной стороны зафиксирован выступ, видимо, тамбур от входа. По обе стороны от выступа (около стен котлована) обнаружены по две ямки от столбов. Четыре другие ямки расположены в одну линию в северной половине постройки — параллельно северной стене. На полу три очага овальной формы, толщина прокалов — 7—10 см. Один из них находился в северо-западном углу, несколько более углубленном относительно остальной площади пола. Два другие располагались около середины западной и южной стен. Рядом с очагами найдены раздавленные сосуды, один из которых орнаментирован крестовым штампом.

Жилище 11 (рис. 11, А). Находилось менее чем в 1 м к северу от северо-западного угла постройки 9 (или в 5 м к западу от жилища 7). Котлован прямоугольной формы (8,1×7,5 м) глубиной 0,15—0,3 м, ориентирован длинными стенами по линии СВВ — ЮЗЗ. Коридорообразный выход обращен в северо-восточную сторону. В юго-восточной части котлована находился наземный очаг-кострище. Около одной из стен расчищены две столбовые ямки и еще три — за пределами котлована. Центральная часть разрушена поздней постройкой.

Жилище 13. Отнесено на 6 м к западу от постройки 11. В раскоп вошла только восточная часть сильно разрушенного котлована, поэтому его размеры и форма не установлены. В северо-восточном углу находилось несколько небольших ям, между которыми лежали обломки крупного сосуда. Около стены зафиксированы две ямки от столбов.

Жилище 17. Исследовано полностью (см. рис. 11, Б); располагалось почти в 7 м к северу от жилища 11. Котлован подпрямоугольной формы (8×7,2 м) глубиной в материке до 0,1 м. Стены ориентированы по сторонам света. Выход, по-видимому, — в восточной стене. В центральной части помещения находились два наземных очага. Вдоль восточной стены выявлено несколько столбовых ям, расположенных в линию.

С северо-восточной стороны к жилищу 17, по-видимому, примыкала еще одна постройка. От котлована *жилища 19* сохранился лишь небольшой участок вдоль восточной стены, вытянутой в направлении с севера на юг. В 3,6 м к западу от нее зафиксированы на полу остатки очага в виде прокала. Около него найден раздавленный сосуд.

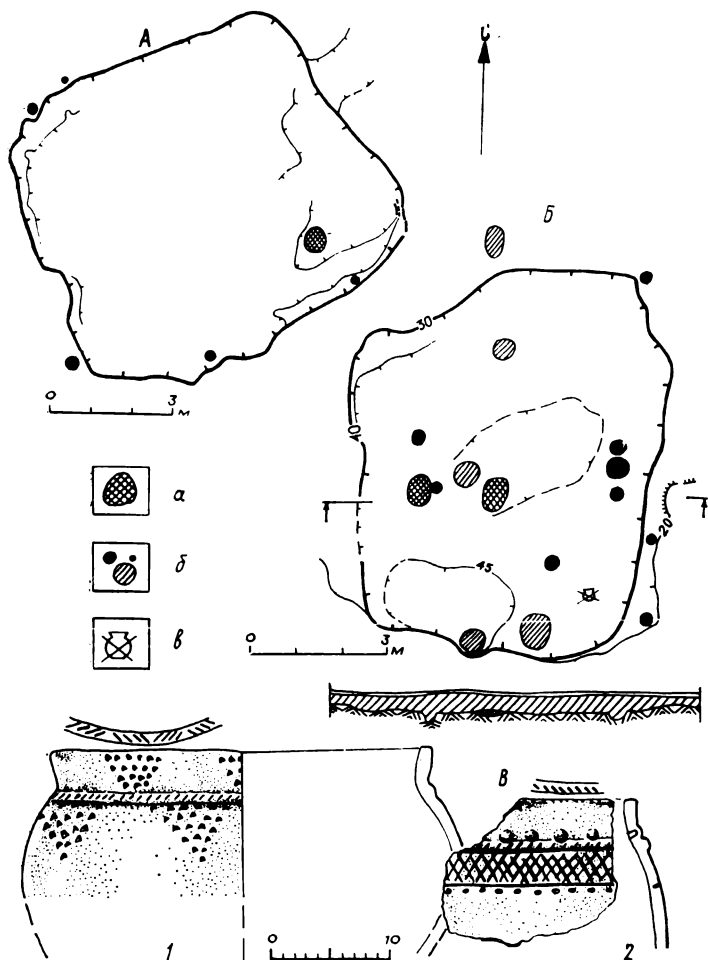

Рис. 11. Поселение Большой Лог:

А — жилище 11, Б — жилище 17, а — очаг, б — столбовые ямы, в — раздавленный сосуд; В — керамика (1, 2)

Жилище 20. Находилось в 3 м к востоку от жилища 19. Котлован прямоугольной формы (около $8,5-9,5 \times 7,5$ м) углублен в материк на 0,1—0,2 м и ориентирован длинными стенами по оси ССЗ — ЮЮВ. Юго-восточная часть котлована разрушена, в западной половине зафиксированы три незначительные углубления. Две столбовые ямки обнаружены около северной стены за пределами котлована.

Жилище 25. Удалено к северо-западу от жилища 20 примерно на 18 м. Сильно разрушено. Длина котлована в направлении ССВ — ЮЮЗ — около 12 м, ширина сохранившейся части — до

6 м. Восточная и южная его части вдоль стен углублены на 0,1—0,15 м больше, чем в центре. В южной половине жилища находился очаг округлой формы с толщиной прокала до 5 см. Южнее на полу зафиксирована линза золы и пепла, а западнее — сильно разрушенная яма с раздавленным на дне сосудом. В пределах котлована и за его пределами обнаружено несколько столбовых ямок.

Жилище 29. Расположено в нескольких метрах от жилища 25. Исследовано не полностью. Котлован прямоугольной формы, ширина — 6,6 м, длина — более 8 м, ориентирован длинными стенами по линии запад-восток; выход находился в восточной стене. Участки пола вдоль стен углублены на 0,15—2 м больше, чем в центре. Остатки очага в виде круглого пятна (толщина прокала до 5 см) найдены в восточной половине постройки. Внутри котлована зафиксирована столбовая ямка.

Жилище 30. Примыкало к жилищу 29 с северной стороны. Вскрыто частично, поэтому размеры его не установлены. Уровень пола у северной и южной стен ниже, чем в центре постройки. Выявлено несколько ям от столбов. На полу найдено большое количество изделий из кости.

Учитывая довольно большую плотность застройки поселка эпохи бронзы (особенно в южной половине), можно предположить, что в его нераскопанной части сохранилось еще много объектов, аналогичных вскрытым.

Исследованные сооружения имеют много сходных черт. У всех прямоугольные котлованы, углубленные в материк на 0,1—0,4 м (по-видимому, не менее 0,2—0,5 м от уровня древней поверхности), площадь — от 60 до 100 м², в основном — 65—85 м². Продольные стены несколько длиннее поперечных, в одной из которых устроен коридорообразный выход. В большинстве построек выявлены ямы от столбов, связанные с конструкцией стен и кровли. На полу жилищных котлованов, обычно около стен или в центральной части, находились очаги — наземные кострища (один-три). Иногда в жилищах устраивались небольшие хозяйственные углубления, располагавшиеся в углах или вблизи стен. В некоторых жилищах (9, 13, 25, 29, 30) отмечено понижение пола от центра к стенам.

Таким образом, исследованные объекты раннего поселения на Большом Логу представляют собой жилые, стационарные, довольно крупные прямоугольные постройки со слабоуглубленным котлованом каркасно-столбовой и, возможно, срубной конструкции. Можно предположить, что поселок имел регулируемую планировку: его центральная часть свободна от строений, а жилища располагались по краям мыса. Выходы (если их удавалось обнаружить) из построек были направлены к центру мысовой площадки. Впрочем, возможны и другие варианты планировочной схемы поселения Большой Лог (например уличная). Очевидно, поселок функционировал в течение длительного вре-

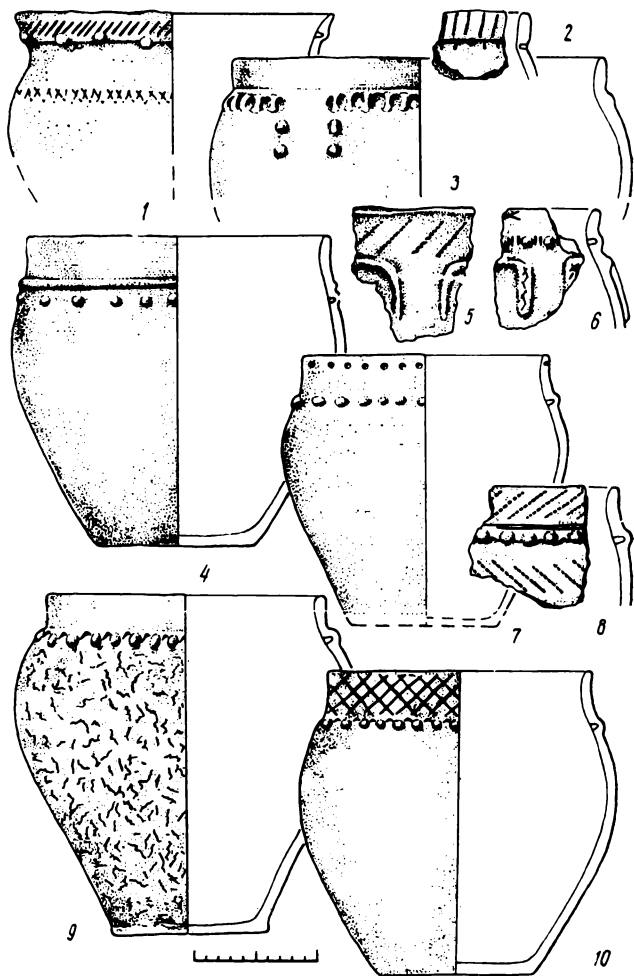

Рис. 12. Поселение Большой Лог. Керамика (1—10)

мени, на протяжении которого могли иметь место перестройки отдельных объектов и строительство новых.

В жилищах и в культурном слое собрано большое количество находок: керамики, костей животных, металлических, костяных и каменных предметов. В общих чертах большешеложские материалы известны исследователям, их характеристика приведена в работах авторов раскопок [4, 37, 39], отдельные находки рассмотрены Н. Л. Членовой [40]. К сожалению, почти все работы, посвященные Большому Логу, имели существенный недостаток — отсутствие или малое количество иллюстраций. В отно-

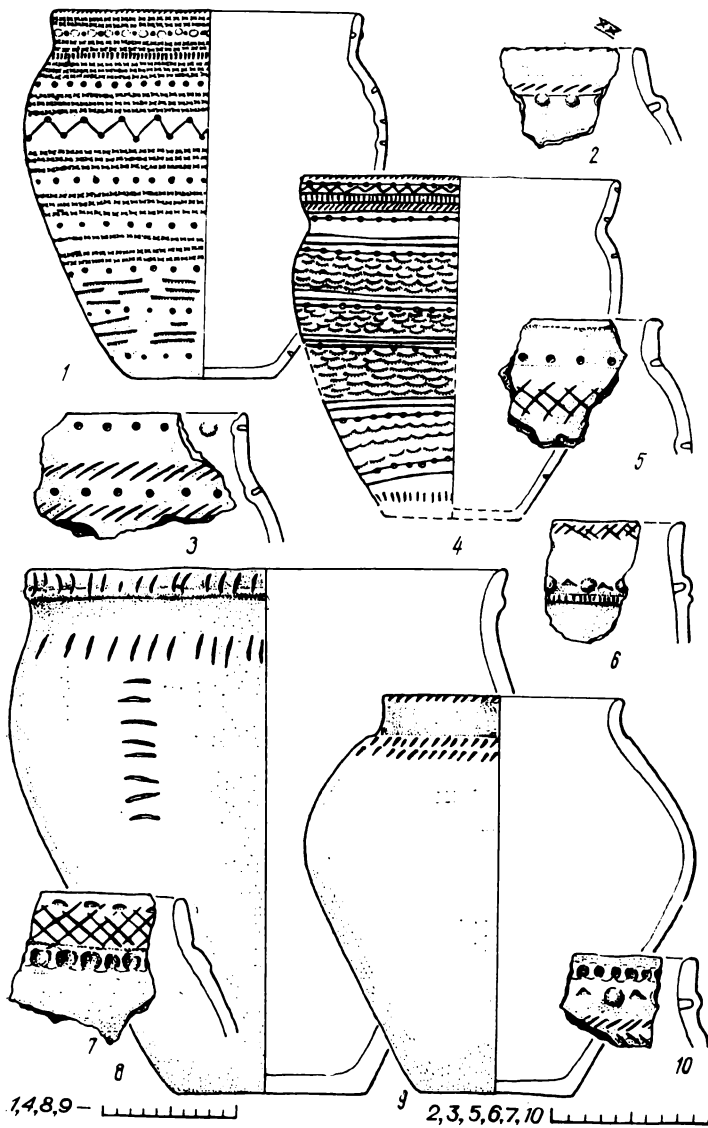

Рис. 13. Поселение Большой Лог. Керамика (1—10)

шении ранних материалов этот изъян мы попытались устранить (см. рис. 9—17).

Коллекция большеложской керамики эпохи поздней бронзы содержит обломки более 600 сосудов, которые можно разделить на две группы — кухонную и столовую. Кухонная посуда — более 75 % от общего количества (см. рис. 11; рис. 12, 13) — представлена крупными горшковидными сосудами средних или высоких пропорций с широкой горловиной, невысокой прямой, отогнутой наружу или наклоненной внутрь шейкой, умеренно раздутым туловом и сравнительно небольшим дном. В ограниченном количестве встречаются узкогорлые горшки с сильно раздутым туловом (см. рис. 13, 9). Венчики округлые или уплощенные, иногда образуют внешний карнизик над шейкой (см. рис. 12, 5; 13, 5). Единичны горшки с утолщением шейки типа воротничка (см. рис. 12, 1, 2) и сосуды с уступчиком при переходе к плечу (см. рис. 12, 3, 9; 13, 9). Посуда сделана из глины с примесью шамота, песка, растительных волокон. Поверхность сосудов обычно небрежно затиралась, иногда покрывалась чистой глиной и затем подвергалась лощению. Интересен прием покрытия поверхности жидкой глиной путем наброса без последующего заглаживания (см. рис. 12, 9). Переход стенок к днищу чаще всего плавный, толщина стенок 7—11 мм.

Большинство сосудов данной группы орнаментировано. При этом орнамент чрезвычайно беден, прост и зачастую присутствует только в одной из зон. Степень орнаментации венчика составляет 18 %, шейки — 42, плечиков — 28, переходной от шейки к плечу зоны — 69 % [4, с. 48, табл. VII]. Плоский венчик орнаментирован короткими наклонными или перекрещивающимися насечками. Шейки обычно украшены пояском — широким или узким — резной сетки, косо поставленными отпечатками гладкого или (изредка) гребенчатого штампа. Иногда по верху шейки нанесен ряд небольших ямочных или уголковых вдавлений (см. рис. 12, 7), зашипов (см. рис. 13, 10) или коротких насечек.

Более 20 % сосудов первой группы имеют валики, расположенные в зоне перехода шейки в плечу (см. рис. 12, 4—6; 13, 6, 8). Валики преимущественно формованные, есть и напленные. Как правило, они узкие, выпуклые (подтреугольные в сечении) либо сильно сглажены. В группу кухонной посуды входит несколько валиковых сосудов со спускающимися на тулово «усами» (см. рис. 12, 5, 6). В ряде случаев валики орнаментированы (см. рис. 11, В, 1, 2; 12, 6). В переходной зоне обычно расположены ряд жемчужин, в том числе чередующихся с подтреугольными вдавлениями (см. рис. 12, 8—10; 13, 6) или вертикальными насечками (см. рис. 12, 6), пояска ямочных вдавлений или зашипов (нередко с ногтевыми отпечатками). Оригинален один из сосудов: от концов несомкнутого горизонтального ряда зашипов, расположенного под уступчиком, на тулово опу-

щены по две жемчужины со следами пальцевых защипов, как бы имитируя мотив свисающих «усов» (см. рис. 12, 3). На другом сосуде валик и «усы» имитированы жемчужинами. Плечики в верхней части украшены резной сеткой, елочкой, наклонными отпечатками гладкого (плоского) штампа или прочерченными линиями. Геометрические мотивы в орнаментации кухонной посуды крайне редки и представлены только треугольниками (см. рис. 11, В, 1). В основном сосуды украшены резными и прочерченными узорами, жемчужинами, ямками, подтреугольными вдавлениями и защипами; удельный вес гребенчатой техники не превышает 3—4 %. Единичны сосуды, орнаментированные оттисками торца трубочки.

Столовая посуда включает сосуды меньших размеров, сделанные более аккуратно и относительно богаче орнаментированные (рис. 14). В основном это широкогорлые горшки приземистых пропорций с небольшим плоским дном. Шейки короткие, вертикальные или отогнутые наружу или внутрь сосуда. Венчики округлые, уплощенные или приостренные. Встречаются экземпляры с зауженной горловиной (см. рис. 14, 9). Толщина стенок 4—8 мм, поверхность гладкая как снаружи, так и изнутри. Орнамент наносился только в верхней части сосудов — по шейке (62 %) и плечикам (82,5 %), при этом шейка чаще оставалась неорнаментированной. Переход шейки в плечико (степень орнаментации — 35 %) подчеркнут не столь явно, хотя в этой зоне также встречаются ямочные вдавления, жемчужины и валики (последние обычно сильно сглажены). Горшки орнаментированы отпечатками гладкого штампа с наклоном вправо, двойными или тройными зигзагами, прочерченными горизонтальными линиями, 14 % сосудов этой группы украшено треугольниками — вершинами вверх или вниз, в том числе с ямочными наколами в углах (см. рис. 14, 7). Геометрические фигуры выполнены тонкими резными линиями. Характерны для столовой посуды елочные и сетчатые мотивы в орнаментации (9 и 10 % сосудов соответственно). Техника орнаментации — резная прочерченная; достаточно широко представлены гребенчатые узоры (более 8 %), ямочные вдавления (около 7 %), значительно реже — защипы, жемчужины и ложный шнур.

Посуда обеих групп залегает в одинаковых условиях во всех объектах и в межжилищном пространстве, и потому ее можно рассматривать как единовременный комплекс. В состав данного комплекса входят также несколько сосудов, орнаментированных в несколько иной манере (см. рис. 13, 1, 4; 14, 10). Судя по обломкам стенок, их всего три-четыре, два из них найдены в развалах. Это горшки довольно высоких пропорций, с прямой и дугообразной шейкой и небольшим плоским дном. Для них характерны сплошная орнаментация, использование фигурных штампов — крестового или чешуйчатого (арочного или зубчатой скобки), деление орнаментального поля рядами круглых ямок,

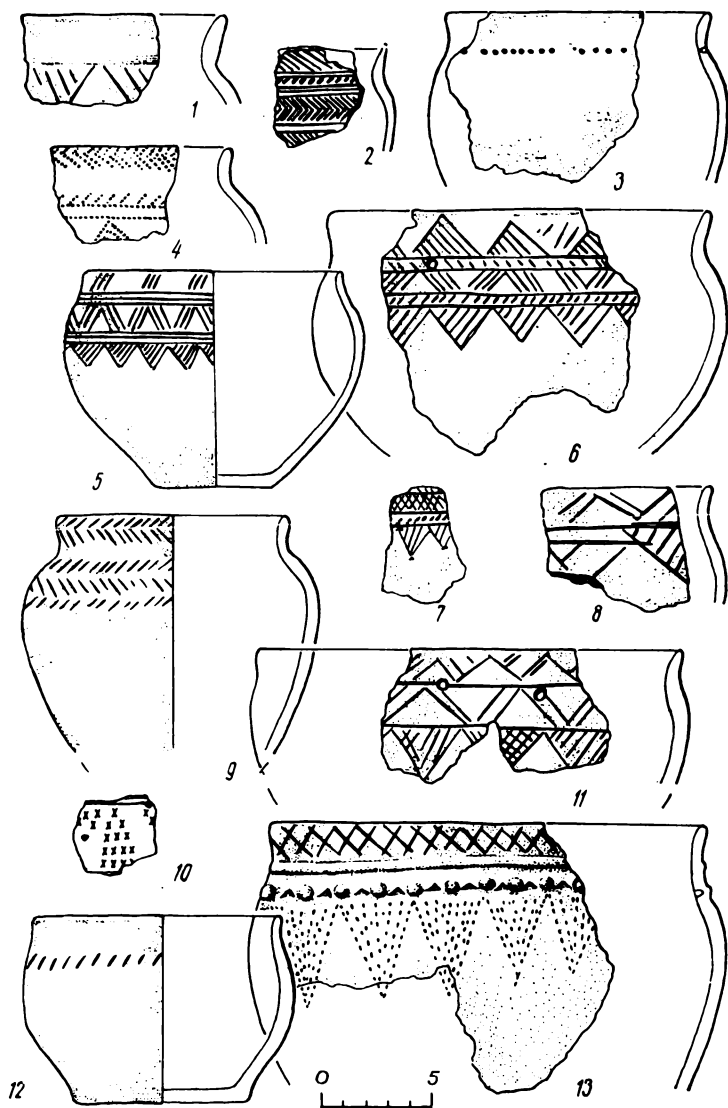

Рис. 14. Поселение Большой Лог. Керамика (1—13)

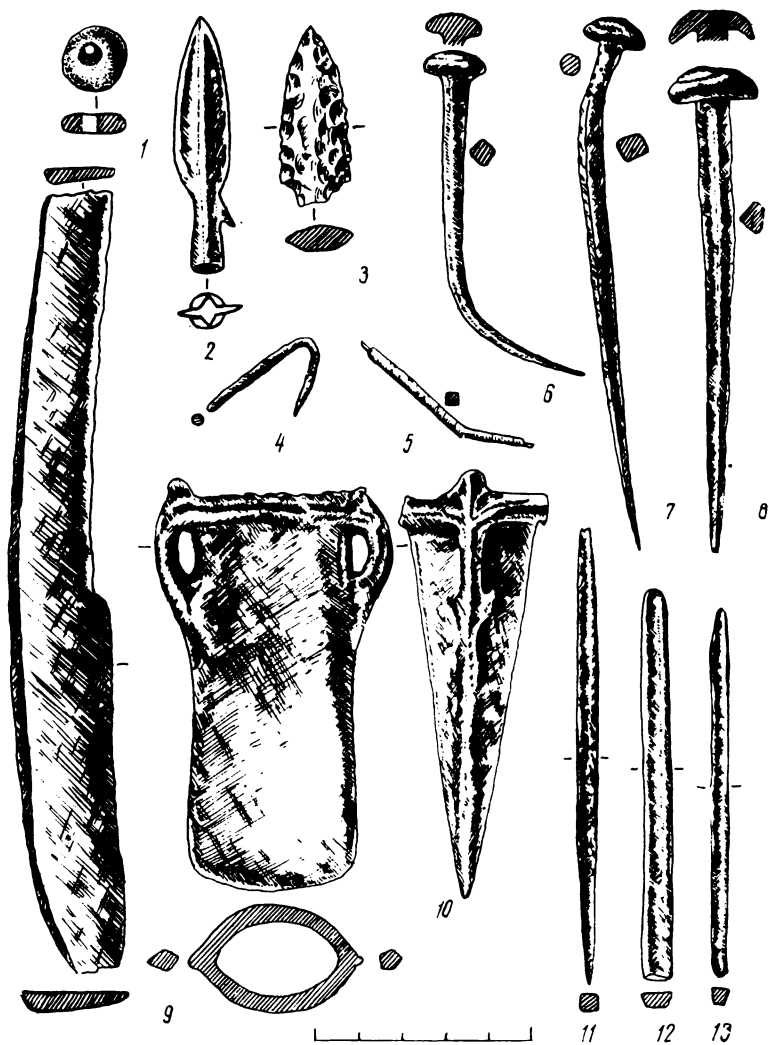

Рис. 15. Поселение Большой Лог. Изделия из камня (1, 3) и бронзы (2, 4—13)

горизонтальные прочерченные линии и пояса из оттисков штампа и, по-видимому, геометрические узоры.

Комплекс находок заключительной стадии бронзового века включает одиннадцать металлических предметов. В их числе бронзовый двушковый кельт с валиком по краю овальной в сечении втулки (рис. 15, 10), листовидный двухлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой и небольшим шипом у основания пера (см. рис. 15, 2), слабоизогнутый пластинчатый

однолезвийный нож с длинной рукоятью и уступом при переходе к клинку (см. рис. 15, 9), три шила с гвоздеобразными шляпками и стержнями квадратного сечения (см. рис. 15, 6—8), простые четырехгранные шилья квадратного или трапециевидного сечения (см. рис. 15, 4, 5, 11—13).

Довольно представительна серия костяных и роговых орудий. Среди них — слегка изогнутый стержневидный псалий со слабыми утолщениями на концах, тремя крупными отверстиями в разных плоскостях и двумя дополнительными маленькими, расположенными перпендикулярно крупным на концах стержня (рис. 16, 1). Наконечники стрел (рис. 17) черешковые (9 экз.), в основном с резким переходом — через уступ — пера к длинному черешку; сечение пера — ромбическое, треугольное, шестиугольное, черешка — круглое. Отдельные экземпляры имеют узкое листовидное перо, плавно переходящее в черешок (см. рис. 17, 2). Интересны роговые «мотыжки» (8 экз.) с долотовидным или конусовидным острием и плоским обушком (см. рис. 17); почти все они имеют следы вертикальных срезов. Из кости сделаны разбивник (тупик) для разминания кожи, трепала с сильно заполированными зубцами, лопатка неясного назначения (лощило?) (см. рис. 16, 3—6). Оригинально орудие из рога животного в форме топора с массивным обухом и расширенным лезвием (см. рис. 16, 7).

Каменные предметы представлены округлой плоской подвеской с отверстием (см. рис. 15, 1), точильным брусом — оселком с тремя соединяющимися отверстиями — в верхней и боковых гранях (см. рис. 16, 2), и наконечником стрелы с двусторонне обработанным треугольным пером и обломанным черешком (см. рис. 15, 3). Последняя находка, вероятно, относится к более раннему времени и связана с небольшим комплексом керамики кротовско-андроновского облика [46, с. 87].

На проходившем в 1970 г. в Томске совещании по проблемам хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири раннее поселение в урочище Большой Лог было отнесено свердловскими археологами к переходному времени от бронзового века к железному и датировано X—VIII вв. до н. э. [4, с. 44, 47]. Предложенная дата основывалась на широком круге аналогий керамике, металлическим и костяным изделиям. Материалы Большого Лога позволили выделить в позднем бронзовом веке Среднего Прииртышья большеложский этап. Сравнительный анализ керамического комплекса дал основание говорить о наличии безусловной преемственности между Большим Логом и древностями предшествующего — розановского — этапа (среднеиртышский вариант ирменской культуры). О принадлежности поселения Большого Лога к ирменской культуре VIII—VII вв. до н. э. неоднократно высказывалась Н. Л. Членова [40, 47].

За прошедшее после раскопок и первых обобщений больше-

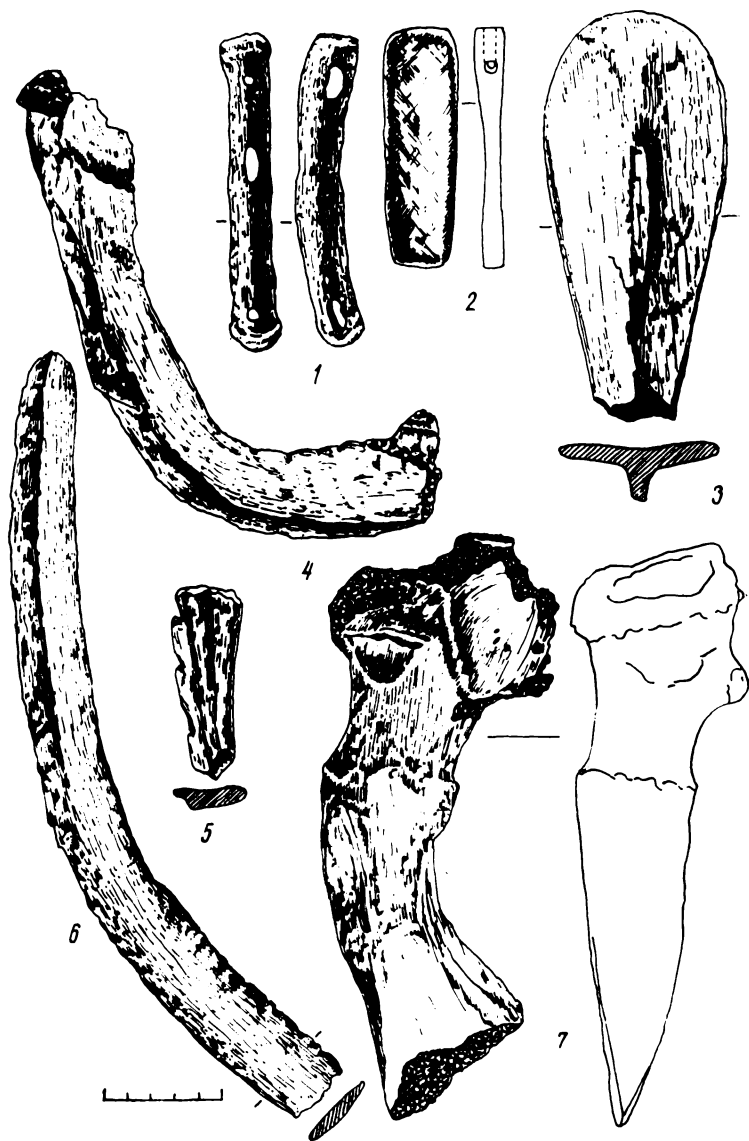

Рис. 16. Поселение Большой Лог. Изделия из кости, рога (1, 3—7) и камня (2)

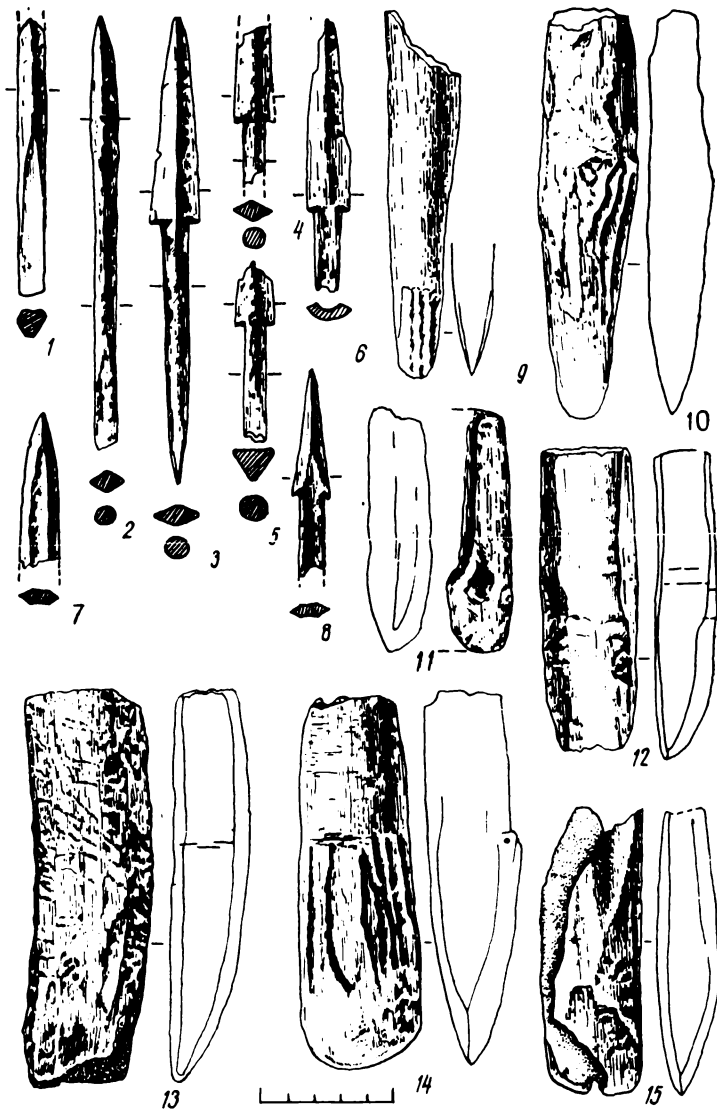

Рис. 17. Поселение Большой Лог. Изделия из кости и рога (1—15)

ложских материалов время достигнуты крупные успехи в изучении бронзового века Прииртышья и сопредельных территорий. Пожалуй, наиболее важным в контексте интересующей нас проблемы можно считать выделение в урало-казахстанских степях саргаринско-алексеевской культуры общности КВК. Исследование памятников этой культуры (общности) в Зауралье (Дружный I), Среднем и Верхнем Притоболье (Язевое I, Алабуга I, Загаринское, Алексеевское), Северном и Центральном Казахстане (Саргары, Петровка II, Новоникольское I, Кент, Донгал) и сравнение их материалов с большеложскими со всей очевидностью показывает, что между ними есть много общего и что появление поселения Большой Лог в лесостепи Прииртышья было невозможно без участия этнических групп общности КВК. Т. М. Потемкина включает большеложские памятники в круг культур, родственных алексеевской («алексеевская» культурная общность [48, с. 29]). Н. Л. Членова называет Большой Лог среди других поселений ирменской культуры, тяготевших к степным культурам и испытавших их влияние [45, с. 278]. Ряд омских и свердловских археологов в последних работах определяют Большой Лог как двухкомпонентный саргаринско-ирменский памятник [35, 44, с. 59]. Саргаринский компонент в составе большеложского комплекса сейчас кажется настолько очевидным, что характеристика посуды Большого Лога как «...керамики ирменского облика и ее местной трансформации» [46, с. 87] вызывает вполне определенные возражения. Характеризующие ирменское (розановское) гончарство черты и признаки проявляются в большеложском керамическом комплексе достаточно широко. Например, дифференциация посуды на группы, условно названные кухонной и столовой, имела место в Прииртышье на розановском этапе, но началась она еще раньше (поселения Черноозерье I, Инберень IV и другие памятники черноозерского и пахомовского типов) и продолжилась в раннем железном веке. Как правило, хозяйственная, бытовая посуда более крупная, с простыми однообразными узорами, а ритуальная, или парадная (аналогичная погребальной), — меньших размеров и иных пропорций, с геометрическим орнаментом. Впрочем, эта картина характерна не только для Прииртышья, но и для всех других районов, входивших когда-либо в обширную андроновскую культурно-историческую общность. На ирменском поселении Сибирская Саргатка I посуда, близкая столовой, представлена сосудами четвертой группы [42, с. 80—81]. Аналогичные группы есть в материалах поселений Черноозерье VIII, Розановского и др. Везде они значительно уступают в количественном отношении посуде хозяйственной (бытовой, кухонной). Как и на Большом Логу, ирменские комплексы содержат в малом числе (около 2 %) узкогорлые сосуды с сильно раздутым туловом, но эти формы в Прииртышье явно привнесены из южных районов. Можно отметить, что керамика

аналогичных форм в саргаринско-алексеевских поселениях составляет 5—12 % комплекса [49, с. 13]. Воротнички, изредка встречающиеся на большеложской кухонной посуде (2—3 %), несомненно, восходят к розановским традициям (на среднеиртышских ирменских поселениях воротничковой посуды — до 50 % и более). Аналогичным образом объясняется довольно высокий удельный вес жемчужно-ямочной техники в большеложском комплексе. Ирменские сосуды имеют более высокую степень орнаментации по зонам, но (как и на большеложской керамике) узоры нередко отсутствуют в одной из зон [4, с. 38, табл. V]. Орнамент несложный, но выглядит несколько богаче, чем на посуде Большого Лога; практически полностью совпадают орнаментальные мотивы, хотя их удельный вес изменяется [4, с. 37, табл. IV; с. 50, табл. VIII]. Ирменские сосуды чаще украшались сетчатым, елочным и геометрическим узорами (кроме треугольников, на шейке и плечиках наносились ромбы, ленточные зигзаги). Большеложский и ирменские керамические комплексы близки по технике орнаментации.

Для керамики Большого Лога один из ведущих признаков — валик, и именно по этому признаку она более всего сопоставима с посудой саргаринско-алексеевской культуры. Валики известны и на розановских сосудах, но там они крайне редки (1—2 %), тогда как в саргаринско-алексеевских комплексах ими оформлено от 10 до 40 % сосудов [9, с. 114; 49, с. 14]. Валики со спускающимися на тулово «усами» также характерны для керамики культур КВК, но не ирменской. Чуждым для прииртышских культур бронзового века является прием покрытия тулова сосудов жидкой глиняной наброской, искусственно создающей неровную поверхность («храповатость») [50, с. 160, 166]. Такая изредка фиксируемая на большеложских горшках морфологическая деталь, как плоский венчик с внешним карнизиком (бортиком) (см. рис. 11, В, 2; 12, 5; 13, 5), неизвестна в ирменском гончарстве, но встречается на сосудах поселений Центрального и Восточного Казахстана [51, с. 115, 117]. Для керамики донгальского типа Центрального Казахстана (восточная окраина ареала КВК), по-видимому, характерны в орнаментации жемчужины, в том числе чередующиеся с подтреугольными вдавлениями [51]. Защипы пальцами часты на керамике поселения Кент [52, с. 59], в ирменских керамических комплексах они единичны [4, с. 39]. Одна из особенностей керамики трушниковского и донгальского типов — узкие валики [21, с. 60; 51, с. 120], они характерны и для части посуды Большого Лога. По ряду признаков (дифференциация на кухонную и столовую, короткая шейка с утолщенным венчиком, наличие валиков, уступчатое плечо, орнаментальные мотивы, способы нанесения узоров) большеложская посуда сопоставима с керамикой амирабадских поселений Якке-Парсан 2 и Каунды 1 Южного Приаралья [53, с. 147—172]. Параллели больше-

ложской керамике в материалах культур восточной зоны общности КВК (и не только восточной) можно продолжить, но и сказанного достаточно для подтверждения вывода об участии компонента КВК в сложении Большого Лога. Его можно связывать с саргаринско-алексеевской культурой урало-казахстанских степей, хотя уже сейчас ясно, что полного единообразия на этой огромной территории нет [48, с. 29].

Культуры валиковой керамики, в том числе и саргаринско-алексеевская, датируются в довольно широком диапазоне — от XIII (или даже XIV) до IX (VIII) вв. до н. э. [20, с. 34, 36; 41, с. 81, 95]. Памятники донгальского типа относят к VIII—VII вв. до н. э. [51, с. 128; 52, с. 66], амирабадские поселения датируются IX—VIII или X—VIII вв. до н. э., а поселение Якке-Парсан 14, керамику которого в известной мере характеризует подчеркнутый уступ плеча, М. А. Итина считает более поздним и относит к VII в. до н. э. [53, с. 170].

Определенное сходство обнаруживается при сравнении керамики Большого Лога с позднеирменской керамикой Барабинской лесостепи. Кроме того, на Туруновке-4 есть сосуды, идентичные большеложским [22, с. 162, рис. 82, 3]. Их объединяет такая специфическая черта, как вынос в верхнюю часть шейки элементов, традиционно считавшихся разделительными и помещавшихся в переходной от шейки к плечу зоне. На Туруновке-4 это жемчужины, разделенные вертикальными насечками, на Большом Логу — ямки, угловые вдавления, защипы. Заметим, что керамика второго типа Туруновки-4 по декоративным особенностям имеет аналогии в материалах поздних красноозерских памятников типа Инберень VI. Позднеирменская керамика относится к переходному времени от бронзы к железу и датируется в пределах конца VIII—VI вв. до н. э. [22, с. 173—174]. Кстати, материалы позднеирменских комплексов Барабы и Новосибирского Приобья, являющиеся естественным (?) продолжением ирменской линии развития (разновременность ирменского и позднеирменского горизонтов стратиграфически зафиксирована в зольнике памятника Омь-1 [22, с. 118, 173]), косвенным образом доказывают, что в южных районах прииртышской лесостепи в конце бронзового века отдельные группы ирменского населения подвергались мощному воздействию со стороны своих западных или южных соседей.

Не вызывает затруднений определение культурной принадлежности найденной на Большом Логу керамики с фигурно-штамповой орнаментацией. Это посуда красноозерского типа (культуры), хорошо известная по раскопкам поселений Хутор Бор-1, Инберень V—VII, Новотроицкое I, Красноозерское и др. [43, 54, 55]. В свое время памятники с крестовой керамикой на Иртыше и Ишиме были датированы, в том числе по большеложским аналогиям, началом I тыс. до н. э. или не позднее VIII—VII вв. до н. э. [56, с. 63]. Позже поселение Инберень V

было синхронизировано с Большим Логом и отнесено к IX—VIII вв. до н. э. [43, с. 121]. Прекрасная серия датирующихся вещей с Инберени VI, Новотроицкого I и Окунево V позволила определить верхнюю границу красноозерской культуры — VIII—VII вв. до н. э. [43, с. 122—123; 55]. Крестовая керамика характерна для ранних красноозерских памятников (Хутор Бор-I, Инберень V) и лишь в очень малой степени — поздних (Инберень VI, Новотроицкое I). Сравнение интересующих нас большеложских сосудов с красноозерскими показывает, что они наиболее близки керамике ранних (в лесостепи) поселений типа Инберень V.

Оригинален сосуд (см. рис. 13, 4) вполне красноозерского облика, в орнаментации которого использован специфический чешуйчатый штамп (или зубчатая скобка) — орнаментир, характерный, скорее, для сузгунской керамической традиции. Однако подобные образцы в единичном количестве представлены в комплексе Инберени V. Любопытен орнамент на сосуде из жилища 9 (см. рис. 13, 1): он, если так можно сказать, выполнен не по правилам. Существует довольно жесткая связь крестовой техники с теми или иными орнаментальными мотивами и другими способами нанесения узора. Использование крестового штампа почти обязательно предполагает наличие в орнаменте повторяющихся несколько раз горизонтальных линий (в количестве двух-трех, расположенных одна под другой), рядов ямок и жемчужин (последних — только на шейке) и геометрических мотивов — треугольников, ромбов, зигзагов или сетки (и даже меандровых фигур). При этом ямки обычно наносились поверх горизонтальных линий. Кроме того, крестовый штамп как бы исключает любую другую технику, кроме ямочно-жемчужной и отчасти — гладкого штампа. Конечно, из этого крестового декоративного «стандарта» есть исключения, но они редки и одно из них — сосуд из жилища 9 Большого Лога. Обратим внимание еще на одну деталь: в нижней части тулова данного сосуда горизонтальные линии (здесь они оттиснуты гребенчатым штампом) неоднократно прерываются, данный мотив становится одним из ведущих в орнаментации керамики времени Инберени VI [43, с. 116, рис. 7; 55, с. 64, рис. 5].

Сравнительный анализ большеложской керамики позволяет сделать следующие выводы.

1. Формирование культурного комплекса Большого Лога стало возможным в результате активного взаимодействия двух компонентов — местного ирменского и пришлого — из казахстанских степей — саргаринско-алексеевского. При этом традиции ирменского керамического производства оказались трансформированными в большей степени.

2. Обитатели пос. Большой Лог имели контакты с населением красноозерской культуры, основной территорией проживания которого были районы к северу от устья Оми. Большелож-

ско-красноозерские связи нашли отражение и в красноозерских материалах; в частности, узкие формованные валики есть на керамике Инберени V (единично), Инберени VI и Новотроицкого I поселения (12,9 и 38,5 % соответственно) [43, с. 115; 57, с. 73]. Высокий удельный вес валиковой керамики на поселении Новотроицкое I, возможно, объясняется тем, что этот памятник расположен намного ближе к Оми, чем инберенские поселения.

3. Сходство большеложской посуды с керамикой как ранних, так и поздних памятников саргаринско-алексеевской, ирменской и красноозерской культур свидетельствует о промежуточном положении Большого Лога в системе их временных координат — предположительно в рамках IX—VIII вв. до н. э. Это время трансформации прииртышской красноозерской культуры периода Инберени V в позднюю фазу (Инберень VI, Новотроицкое I), саргаринско-алексеевских комплексов Казахстана в кентские и донгальские древности, формирования в Барабе памятников типа Туруновка-4. В Восточном Казахстане Большому Логу соответствуют древности трушниковского этапа.

Остается открытым вопрос о соотношении Большого Лога и иртышских ирменских памятников. Имеются данные о возможности сосуществования ирменских комплексов (Черноозерье VIII, Розановское поселение) и ранних красноозерских (Инберень V), но красноозерская керамика (по-видимому, рубежа Инберени V и VI) есть и в составе большеложской коллекции. Ирменский компонент в трансформированном и классическом виде отчетлив в большеложской керамике, но отдельные типичные для Большого Лога элементы (узкий формованный валик, защипы), встречаются и на ирменской посуде. В целом же, как нам представляется, ирменская культура (в среднеиртышском или розановском варианте) сформировалась раньше. Предположительно в IX в. до н. э. на территорию, освоенную ирменскими коллективами, мигрируют группы обь-иртышского таежного населения, и в результате сложных процессов взаимодействия с абorigенами в лесостепных районах складывается красноозерская культура [43, 54, 55, 58]. Различие хозяйственных интересов ирменских и красноозерских племен обусловило возможность их сосуществования [58, с. 112—117]. И лишь на этой фазе в низовьях Оми начинается строительство пос. Большой Лог. Прекращение его функционирования относится, по-видимому, к тому времени, когда красноозерскую культуру уже характеризуют комплексы типа Инберени VI. Ирменская культура, не претерпевшая столь значительных изменений, как в соседней Барабе, существует на Иртыше, по крайней мере, до VIII и даже в VIII в. до н. э., подтверждением чему являются находки в ирменских памятниках керамики, сопоставимой с позднеирменской и саргатской [42, с. 82—83]. По мнению многих исследователей, ирменское население Прииртышья и Барабы участвовало в формировании саргатской культуры [44, с. 56—61].

Таким образом, напрашивается вывод, что в лесостепном Прииртышье в каком-то из периодов в IX—VIII вв. до н. э. параллельно проживали ирменские, красноозерские и большеложские группы населения. Возможно ли это? На этот вопрос можно ответить положительно, зная, что Большой Лог — единственный в своем роде памятник. В лесостепном Прииртышье (а эта территория исследовалась свердловскими и омскими археологами в течение многих лет) до сих пор не обнаружено не только подобных памятников, но и сколько-нибудь представительных серий большеложской керамики в слоях других поселений [35, 44, с. 59]. По-видимому, выделение большеложского этапа в позднем бронзовом веке Прииртышья [4] оказалось преждевременным. Заключительную стадию бронзового века лесостепных районов характеризуют комплексы ирменской и красноозерской культур; памятники типа Большого Лога, если и будут открыты, то, скорее всего, в районах южнолесостепного — степного Прииртышья.

На юге Омской обл. уже известно одно поселение с валиковой керамикой саргаринско-алексеевского типа — Жар-Агач [59]. Из двадцати семи жилищ, расположенных в два ряда на останце левого берега Иртыша, раскопано одно — с котлованом подквадратной формы площадью 130 м², углубленным в материк на 0,4—0,7 м. Исследованный объект и поселение в целом С. В. Сотникова отнесла к алексеевской (саргаринской) культуре, хотя с равным основанием жилище можно отнести к памятникам андронидной пахомовской культуры: валиковая керамика (обломки 39 сосудов) и андронидная пахомовского типа (32 сосуда) в пределах раскопа ни стратиграфически, ни планиграфически не расчлняются [59, с. 53]. Автор публикации затрудняется дать оценку этому факту, тем более трудно это сделать нам. Можем лишь заметить, что датировка валиковой группы керамики поселения Жар-Агач в пределах X (IX?)—VIII вв. до н. э. [59, с. 53] представляется несколько завышенной, так как она содержит ранние признаки (широкий уплощенный валик, треугольник вершиной вниз с «бахромой» вдоль одной из сторон) и более всего сопоставима с керамикой поселений Петровка II, Новоникольское I, Саргары.

Совместное залегание керамики КВК и андронидных культур (черкаскульской, пахомовской) — не единичные факты: подобная картина отмечена в лесостепном Пришимье (поселение Ир II [60]), в Южном Зауралье (Дружный I [61, с. 98]). В пользу возможной синхронизации некоторых комплексов КВК и культур андронидной общности свидетельствует также декоративно-морфологическое сходство части бегазы-дандыбаевской посуды (Сангру I, Бугулы III) с группой нарядной керамики (ритуальной, столовой?) черкаскульских, пахомовских, сузгунских и еловских памятников.

Металл Жар-Агача (наконечники стрел, тесло, бляшки) име-

ет аналогии в материалах поселения Саргары и других памятников КВК; на поселении Ир II найдены аналогичные наконечники стрел, а на Инберени IV и Черноозерском II могильнике — бляшки со штырьком. Другими словами, представляется возможным пересмотреть датировку валикового комплекса находок поселения Жар-Агач и отнести его к концу II тыс. до н. э. Разумеется, при обязательном условии, что это хронологически единый комплекс! Неясно соотношение остатков саргаринско-алексеевского комплекса и лесостепного пахомовского — типа Инберени IV [34, с. 9—15; 34, 62], но их синхронность не исключена.

Поселение Жар-Агач ставит перед исследователями много вопросов. Если это двухкомпонентный — саргаринско-пахомовский — памятник, то какой из компонентов в южнолесостепном — степном Прииртышье является пришлым? Почему керамические комплексы (группы 1 и 2) представлены в чистом, не смешанном виде? Или материалы Жар-Агача отражают начальный этап освоения данной территории степными племенами? Мы затрудняемся ответить на эти и другие вопросы, так как, с одной стороны, материалов, полученных на поселении, явно недостаточно, с другой, крайне неудовлетворительно исследованы районы Прииртышья к югу от Омска. Тем не менее мы рискуем высказать предположение, что на этой территории будут открыты новые памятники, отражающие взаимодействие носителей лесостепных и степных культурных традиций, в том числе типа Жар-Агача и Большого Лога. Общим для них будет наличие компонента КВК, хотя и в разных (хронологически) проявлениях.

С учетом высказанных соображений мы не стали бы столь решительно, как это делает А. Я. Труфанов, отстаивать тезис об исключительности Большого Лога в Среднем Прииртышье и по этой причине отвергать возможность участия большеложского населения в формировании саргатской культуры [44, с. 59]. Если Большой Лог и исключителен, то только для районов средней и северной лесостепи, однако это далеко не все Среднее Прииртышье. На наш взгляд, важно не то, участвовало ли в становлении новой культуры, новых структур большеложское население или только потомки живших на Большом Логу людей. Через Жар-Агач, Большой Лог и подобные им памятники (пока гипотетические) осуществлялось распространение в Среднем Прииртышье традиций степных культур, что в конечном счете обусловило включение саргатской культуры в обширную историко-культурную область вместе с Южным Уралом, Северным Казахстаном и лесостепным Приобьем [63, с. 139].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.
2. Цейтлин С. М. Геология верхнепалеолитической стоянки Черноозерье II // Генинг В. Ф., Петрин В. Г. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985.
3. Викторов В. П., Борзунов В. А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // ИИС. 1974. Вып. 15.
4. Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // ПХКПАПЭС. Томск, 1970.
5. Борзунов В. А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины раннего железного веков // Очерки по этнокультурной истории Сибири. Поселения и жилища Западной Сибири. Т. I. В печати.
6. Смирнов Н. Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАУ. 1975. Вып. 13.
7. Хабдулина М. К., Зданович Г. Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
8. Стефанов В. И., Стефанова Н. К. О соотношении кротовских и андроновских комплексов на Среднем Иртыше // Проблемы археологии Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
9. Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988.
10. Бухонина Т. А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
11. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
12. Хлобыстина М. Д. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
13. Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
14. Стефанова Н. К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986.
15. Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
16. Глушков И. Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.
17. Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.
18. Генинг В. Ф., Ещенко Н. К. Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // ИИС. 1973. Вып. 5.
19. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
20. Черных Е. Н., Агапов С. А., Кузьминых С. В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
21. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.
22. Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
23. Софеев О. В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990.

24. Троицкая Т. Н. Памятники андроновской культуры // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1969. Вып. 31.
25. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово, 1989. Деп. 38518.
26. Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Поселение Большой Лог I — новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990.
27. Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Удодов В. С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Там же.
28. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Комплекс андроновской — Ф-культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
29. Савинов Д. Г., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
30. Стефанов В. И., Днепров С. А., Корочкова О. Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты // СА. 1983. № 1.
31. Косарев М. Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андоновская эпоха) // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
32. Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М., 1986. Вып. IV.
33. Кузьмина Е. Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культуры древнего и средневекового Востока. М., 1986.
34. Корочкова О. Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
35. Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // Проблемы изучения археологических культур Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1991.
36. Труфанов А. Я. Отчет об археологических работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского государственного университета в Саргатском районе Омской области в 1987 г. // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 437.
37. Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Городище Большой Лог // КСИИМК. 1951. № 37.
38. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967.
39. Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В. Памятники железного века в Омском Прииртышье // ПХКПАПЗС. Томск, 1970.
40. Членова Н. Л. Датировка ирменской культуры // Там же.
41. Черных Е. Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
42. Стефанов В. И., Труфанов А. Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
43. Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.
44. Труфанов А. Я. К вопросу о происхождении саргатской культуры // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986.
45. Членова Н. Л. Судьбы ирменской культуры в Западной Сибири // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987.
46. Конигов Б. А., Мельников Б. В., Тихонов С. С. О культурно-хронологических комплексах городища Большой Лог у г. Омска // Проблемы

хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991.

47. Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. 1955. № 23.

48. Потемкина Т. М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. 1979. № 2.

49. Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

50. Генинг В. Ф. К вопросу об археологической интерпретации «кентской проблемы» // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.

51. Ломан В. Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

52. Варфоломеев В. В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Там же.

53. Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

54. Труфанов А. Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.

55. Труфанов А. Я. Материалы к происхождению и развитию красно-озерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

56. Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. 1969. Вып. 8.

57. Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990.

58. Косинцев П. А., Стефанов В. И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Пришимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

59. Сотникова С. В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986.

60. Косинская Л. Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

61. Шорин А. Ф. К вопросу об относительной хронологии черкаскульских памятников Южного Зауралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.

62. Корякова Л. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. 1981. № 2.

63. Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.

В. А. БОРЗУНОВ

ЗОТИНСКОЕ IV ГОРОДИЩЕ НА Р. БАГАРЯК

Одним из перспективных направлений урало-сибирской археологии является систематическое изучение ранних укрепленных поселений, их генезиса, развития, конкретных типов и роли в системе военного дела финно-угров [1—5]. Оно сопро-